

А. В. ГАНИН

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В УКРАИНСКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ

В 1917–1939 гг.¹

«Не так-то легко скоро бути старшиною
Генерального штабу».

Из вводной лекции по стратегии
генерала Г. Е. Янушевского
в Калишском лагере. Ноябрь 1921 г.²

История возникновения и развития национальных армий эпохи Гражданской войны в России на протяжении четверти века привлекает самое пристальное внимание исследователей из бывших республик СССР, ныне — независимых государств ближнего и дальнего зарубежья. Тем не менее многие сюжеты, связанные с этой темой, до сих пор не получили должного освещения, а некоторые подверглись серьезному искажению, обусловленному текущим политическим заказом в соответствующих государственных образованиях. Что касается отечественных авторов и читателей, то они практически не знакомы с рассматриваемой проблематикой.

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю глубокую признательность к. и. н. М. А. Ковальчуку (Киев) за уточнение инициалов ряда офицеров и за предоставление копий работ некоторых современных украинских исследователей.

² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.

Одним из сюжетов, который до сих пор практически не привлекал внимания исследователей, является история подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в период Гражданской войны и в эмиграции в 1917–1939 гг. Речь идет об одном из важных аспектов военного строительства антибольшевистских правительств украинской Центральной Рады, Украинской Державы и Украинской народной республики (УНР).

Этот сюжет может быть хронологически разделен на два периода. Первый период охватывает подготовку украинских национальных кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. К этому времени относится ряд неудачных попыток открытия украинской военной академии или ускоренных курсов Генштаба, а также дискуссия по этому вопросу в украинском военно-политическом руководстве. Второй, гораздо более насыщенный важными для данной темы событиями, период — подготовка национальных кадров Генерального штаба в эмиграции. Здесь речь идет об истории специальных курсов Генштаба, открывшихся в украинском беженском лагере Калиш в Польше уже после того, как украинские вооруженные формирования были вытеснены частями Красной армии с территории Украины, а Гражданская война на Украине в основном завершилась. Кроме того, ко второму периоду относится немаловажный вопрос подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в иностранных военных академиях.

Проблема подготовки кадров Генерального штаба носит специальный характер, а, поскольку в годы Гражданской войны эта подготовка на Украине так и не была налажена и планы открытия национальной военной академии остались на бумаге, сюжет практически не привлекал внимания исследователей. Пожалуй, единственное исключение составила кандидатская диссертация Н. В. Герасименко, посвященная подготовке украинских офицерских кадров в 1917–1920 гг.³ Однако в этой работе вопрос об открытии украинской военной академии лишь упоминался.

Существенно больше внимания исследователи уделили вопросу подготовки украинских кадров Генштаба в эмиграции. Но даже в специальных исследованиях по украинской военной эмиграции этот вопрос рассматривался вскользь, без подробностей, что связано с труднодоступностью документов по этой

³ Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 — листопад 1920 р.). Дисс. к. і. н. К., 2005.

теме, в том числе для украинских исследователей, казалось бы наиболее заинтересованных в изучении этого сюжета. Основным исследователем, изучавшим этот вопрос, является украинский историк И. В. Срибняк, который проанализировал деятельность курсов на материале документов, сохранившихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины в Киеве⁴. Однако вне поля зрения Срибняка оказались не только многие документы, хранящиеся в Киеве, но и основная часть архива курсов, хранящаяся в Польше, а также материалы архивов России, что существенно обедняет его работу. Другой украинский автор, А. Н. Колянчук в книге об украинских эмигрантах в Калише вообще обошел курсы своим вниманием⁵. В еще одной своей работе, посвященной украинской военной эмиграции в Польше, он затронул вопрос о курсах, но использовал лишь отдельные документы польских архивов, при том, что практически не знаком с киевскими документами и вовсе не знаком с документами российских архивов по этой теме⁶. Кроме того, опубликованные им данные о курсах носят очень краткий, практически иллюстративный и, как представляется, довольно бессистемный характер. Более того, и Срибняк, и Колянчук в своих работах применительно к подготовке кадров Генштаба допустили целый ряд неточностей.

Таким образом, до сих пор детально на основе всей совокупности сохранившихся документальных материалов рассматриваемая проблема не изучалась. Также нельзя не отметить, что украинские авторы не дают объективной оценки этого аспекта национального военного строительства, игнорируя такие острые проблемы, как отсутствие в украинских войсках подготовленных национальных кадров Генштаба и вынужденная опора петлюров-

⁴ Срибняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997. С. 50–56; Он же. Військова діяльність уряду УНР в екзилі (1921–1923 рр.). Дис. к. і. н. К., 1995. С. 78–87; Он же. До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто—Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67; Срибняк І., Кучер В. Фахова підготовка старшин Генерального штабу Армії УНР у 1921–1923 р.р. // Розбудова держави (Київ). 1996. № 7. С. 28–32 (удивительно, что эта статья, написанная И. Срибняком в соавторстве, практически слово в слово повторяет предыдущую, написанную индивидуально).

⁵ Kolańczuk A. Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz—Przemysł—Lwów, 1995.

⁶ Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 121–123.

ских государственных деятелей на бывших генштабистов русской армии, несмотря на махровую русофобию и недоверие к этим специалистам.

На мой взгляд, крайне важно разобраться в том, почему украинскому руководству так и не удалось организовать подготовку кадров Генштаба в тот период, когда такие специалисты были ему в наибольшей степени необходимы — непосредственно в ходе Гражданской войны. Не менее важен анализ причин подготовки украинских кадров Генштаба уже в эмиграции, вклада в такую подготовку бывших русских генштабистов, сделавших в годы Гражданской войны выбор в пользу украинской армии. Кроме того, небезынтересно всесторонне рассмотреть вопрос соотношения русского и украинского начал в подготовке офицеров-генштабистов, идейные взгляды преподавателей и слушателей. Наконец, в рамках изучения темы развития Генерального штаба в эпоху Гражданской войны важно исследовать сам ход учебного процесса и его итоги.

Когда речь идет о строительстве национальных вооруженных сил, тем более не на своей территории, а в эмиграции, неизбежно возникает острая проблема наличия источников по теме и их доступности. Подготовка этого очерка потребовала изучения документальных материалов в архивах всех трех стран, так или иначе связанных с рассматриваемым сюжетом, т. е. архивов России, Украины и Польши. В фондах ЦДАВОУ сохранились многие ключевые документы, касающиеся различных аспектов украинского военного строительства периода Гражданской войны, а также важные документы украинских военных эмигрантов в Польше. Часть документов, в особенности эмигрантского периода, отложилась в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины.

Тем не менее этих материалов недостаточно для полноценного раскрытия темы, поскольку основная, наиболее масштабная и полная коллекция документов, касающихся подготовки украинских генштабистов в эмиграции, отложилась в Центральном военном архиве Польши. Эти материалы труднодоступны даже для украинских исследователей, а польские историки, вполне естественно, не интересуются столь далеким от них сюжетом. По всей видимости, мне довелось стать первым исследователем, ознакомившимся с наиболее ценными материалами архива курсов по подготовке украинских генштабистов.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранился интереснейший личный фонд одного из преподавателей курсов —

генерала Г. Е. Янушевского (Ф. Р-7440). Кроме того, документы некоторых других фондов также проливают свет на подготовку украинских генштабистов. Сочетание документов четырех архивов и дало возможность подготовить данное исследование. Разумеется, основной корпус источников был составлен на украинском языке (при цитировании перевод мой), впрочем, поскольку украинские офицеры Генштаба, в основном, были выходцами из русской армии, немало документов доступно и на русском языке.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной Рады при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»⁷. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято другое решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В. В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождении службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»⁸. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с вашим мнением, а потому командирования не будет»⁹. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П. П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба¹⁰ и создания украинской военной академии¹¹.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

17 июня 1918 г., первоначально на два месяца, была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н. Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н. Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава академии¹². Комиссия выработывала порядок, время и место открытия украинской академии Генштаба, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.¹³

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы¹⁴.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора инженерной академии генерального хорунжего В. Н. Полянского, а затем генерального значкового Н. Л. Юнакова¹⁵. В состав секции входили генеральные значковые: Юнаков, С. Н. Дельвиг, А. М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах¹⁶. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»¹⁷. Генерал выступал за развитие принципов прикладного метода обучения, вводившегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что «Державная военная академия» будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне

¹² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

¹³ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 58, 88.

¹⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15 об.

¹⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 3 об.

¹⁶ Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

¹⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 8. Л. 4.

со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государственное устройство, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства¹⁸. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предложено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров¹⁹.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от главного военно-учебного управления (головна шкільна управа). Между двумя органами существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров²⁰, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А. С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов²¹. В 1918 г. для «щирости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий» и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам²². Вокруг себя Астафьев собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В. П. Сальский, В. П. Евтимович, А. П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и другие. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться хорошее печенье»²³. Астафьев и его

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 86.

²⁰ Евтимович В. Омелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної каліни. 1937. № 7–8. С. 32.

²¹ Национализм — идеология, основанная на принципе ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в процессе создания государства. Ключевой составляющей идеологии украинского национализма, главным показателем принадлежности к этой идеологии, как в период Гражданской войны, так и сегодня является стремление порвать многовековые связи с русской культурной средой, резкое неприятие всего, что связано с Россией и русскими, которых украинские националисты традиционно именуют «москалями».

²² См. фото: Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 21.

²³ Евтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної каліни. 1937. № 12. С. 8.

соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые из плакатов и лозунгов носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискала») ²⁴. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

Положение об академии было утверждено гетманом Скоропадским. 20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчужный А. Ф. Рагоза (Рогоза) подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии ²⁵. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось командировать в военную академию ²⁶. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба, надеявшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. уже готовило конкретные предложения наиболее известным военным авторитетам того времени (в том числе находившимся за пределами Украинской державы) занять преподавательские должности в будущей академии. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А. И. Прохорович (именно в его подчинении находилось главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Державной военной академии в Киеве известному военному ученому бывшему Генштаба генерал-майору А. А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии ²⁷. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Державной военной академии, или в Высшей Военной Школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить Генштаба генерал-лейтенанта А. К. Келчевского, правителем дел — Генштаба полковника В. К. Шевченко, в качестве

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 124.

²⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

²⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен Генштаба сотник И. А. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить Генштаба генерал-майора М. В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены крупные военные авторитеты — генеральный значковый Н. Н. Головин, генеральный хорунжий В. В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н. Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А. Я. Шайбле (тактика дивизии)²⁸. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В. В. Суходольский, К. И. Сычев и Ф. Н. Романов²⁹.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев³⁰. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник главного военно-учебного управления (18.08.1919–09.11.1918) генерал Юнаков был назначен начальником Державной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко — правителем дел академии³¹. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский — помощником правителя дел и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А. А. Матвиенко — штаб-офицером, заведующим слушателями академии, войсковой старшина К. Алексеев — заведующим хозяйством академии, генеральный хорунжий П. Ф. Старк — библиотекарем академии. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части³². Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Юнаков (06.12.1871–01.08.1931) был яркой личностью. Генерального штаба генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, из-

²⁸ Там же. Л. 893 об.

²⁹ Там же. Л. 1023.

³⁰ Герасименко М. В. Указ. соч. С. 124.

³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

³² Там же. Л. 220.

вестный военный историк³³, он самим фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был сторонником новых методов практической подготовки слушателей³⁴.

Слушатели академии не скупились на восторженные отзывы в адрес Юнакова. Так, по мнению Б. М. Шапошникова, «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»³⁵.

Полковник В. Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал о деятельности последнего в этот период: «ген. Юнаков — человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»³⁶. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Думается, педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника штаба головного атамана С. В. Петлюры, а позднее, в 1920 г., — военного министра УНР.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. Еще одним недостатком Юнакова в их понимании было незнание генералом украинского языка. Кроме того, он весьма осторожно относился к вопросу украинизации частей русской ар-

³³ Недавно в России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны (Юнаков Н. Л. Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302).

³⁴ Капустянский М. Похід Українських Армій на Київ — Одесу в 1919 році (Короткий військово-історичний огляд). Кн. 2. Мюнхен, 1946. С. 127–128.

³⁵ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

³⁶ Петрів В. Військово-історичні праці. Спомини. К., 2002. С. 601.

мии³⁷. Разумеется, Юнаков позднее пытался реабилитироваться в глазах националистов. Кстати, гетман Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, не сказал ему ничего, кроме того, что тот должен служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык³⁸.

Сохранились и критические оценки деятельности генерала Юнакова. Так, например, в ноябре 1919 г. сторонник Белого движения подполковник Я. Макогон в докладе российскому военному агенту в Польше охарактеризовал Юнакова следующим образом: «Нач. шт. Верховглавка: ген.-лейт. профессор Юнаков. По отзывам учившихся у него офицеров генштаба российского был заурядный, Америки не выдумал. Окончил войну командующим 8 армией. На бумаге считается нач. укр. академии генштаб[а]. Предан Петлюре, ходит перед ним на задних лапках, был помощником генер. Осецкого, столкнул его и занял его место. После этого стал «щирым», стал разговаривать только по-украински и отказывался из трусости помогать арестованным офицерам. Лично страшный трус и человек с покладистой совестью»³⁹. Думается, наиболее объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»⁴⁰.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А. Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустойчивость политической обстановки на Украине и просил адресата поторопиться: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»⁴¹. 30 ноября Скоропадский утвердил штаты академии.

³⁷ Юнаків М. Л. Матеріяли для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.

³⁸ Там же. С. 9.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об. Публикацию документа см.: Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. К., 2006. С. 450–461.

⁴⁰ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. К., 2003. С. 257–258.

⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

Иными словами, подготовка открытия украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Однако, несмотря на спешку с открытием, оно так и не состоялось. Открытие академии было намечено в Киеве на 1919 г., но реализовать эти планы не удалось в связи с изменением политической ситуации. Поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Интересно, что начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом головной команды УНР⁴². Также было запланировано открытие при академии краткосрочных курсов. На курсах планировалось совершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу.

Стоит отметить, что при Скоропадском существовали планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников Военного министерства, которые уже обладали академическим образованием). Целью курсов было объединение взглядов высшего командного состава на вопросы военного строительства, ознакомление слушателей с новыми вопросами, выдвигаемыми современной военной наукой и жизнью, а также соответствующая подготовка к управлению войсками в стратегическом и тактическом отношениях⁴³. Нет никаких сомнений в том, что подобное учебное заведение было бы крайне полезно для молодой украинской армии. Но, разумеется, этот проект также не получил практического воплощения.

Последующие события и резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918–1919 гг. в связи с их массовым оттоком на белый юг⁴⁴, а также финансовые затруднения руководства УНР не по-

⁴² Герасименко М. В. Указ. соч. С. 128.

⁴³ Армия и флот Украины (Киев). 1918. № 1. С. 68–70.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.,

звалили петлюровцам в 1919–1920 гг. открыть военную академию и приступить к занятиям.

Между тем военный министр УНР полковник В. Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе головному атаману С. В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей армии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они требовали ответственных должностей, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых далеко не соответствовало потребности и никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ, не менее чем на 25 слушателей, исходя из того, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного—двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ⁴⁵.

Начальник ГУГШ генерал С. И. Дядюша разработал положение об ускоренных курсах службы Генштаба при ГУГШ и даже привел предполагаемые расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач — в 300, репетиция или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500 гривен⁴⁶. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии — 14 офицеров, от Надднестрянской армии — 7 офицеров, от центральных учреждений Военного министерства — 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный⁴⁷. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на кото-

2009. С. 92–98, 129–130; Он же. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.

⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 109.

⁴⁶ Там же. Л. 110.

⁴⁷ Там же. Л. 112.

рый выделялось не менее половины всего учебного времени⁴⁸. Предполагалось, что выпускники числились по Генштабу, могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным, положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.⁴⁹, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. этот вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии, что, очевидно, повышало ее статус на международной арене. Соответственно, в такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В. Н. Петров⁵⁰.

Еще 3 июня 1920 г. положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета⁵¹. Начальник Генштаба генерал В. А. Синклер сообщал главному атаману С. В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Первый из них позволял быстро пополнить численность генштабистов, но имел много отрицательных сторон. Например, если бы в украинскую армию прибыли генштабисты из разных стран, представлявшие различные военные школы и системы, это неизбежно затруднило бы координацию их работы, особенно на начальном этапе. К тому же такие офицеры могли не знать языка, региона,

⁴⁸ Там же. Л. 112 об.

⁴⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

⁵⁰ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацию этого документа см. в: Петрів В. Військово-історичні праці. Листи. К., 2004. С. 367–369.

⁵¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

армии и ее духа, а следовательно, не могли занимать высшие посты по Генштабу. Кроме того, такие офицеры обошлись бы Украине значительно дороже своих собственных.

Основным недостатком второго варианта было то, что он не мог дать быстрого результата. Лишь через три года можно было рассчитывать на выпуск офицеров из зарубежных академий, к тому же на крупное пополнение также рассчитывать не приходилось, поскольку ни одна зарубежная академия не согласилась бы принять более трех украинских офицеров одновременно. Единства доктрины (одного из базовых принципов службы Генерального штаба) при этом также не достигалось, поскольку каждая академия осуществляла подготовку по собственной программе. Третий способ, по оценке автора документа, зависел от самих украинцев. По его мнению, ускоренные курсы хотя и не давали всей полноты знаний, тем не менее позволяли подготовить именно украинские национальные кадры Генштаба, которые бы знали армию, ее устройство и дух. Кроме того, результат достигался сравнительно быстро — всего через 6–8 месяцев. Очевидно, что автор документа хотел проведения в жизнь именно третьего варианта⁵². Петлюра посчитал полезными все три варианта. Он предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Головной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»⁵³. Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей⁵⁴. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба. Тем более, что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д. П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка

⁵² ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13 об.

⁵³ Там же. Л. 14. Здесь и далее в цитатах переводы с украинского языка выполнены автором. Публикацию документа см.: Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. К., 2006. С. 419–420.

⁵⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 2.

сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не предоставившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской галицийской армии⁵⁵. В итоге Яроцкого приказом войску УНР от 25 июля 1920 г. просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился⁵⁶. Интересно, что Яроцкий в дальнейшем не прошел обучение на курсах, видимо довольствуясь полученным причислением. В принципе, офицеры типа Яроцкого имели все основания требовать себе вакансии на курсах.

Пример Яроцкого был достаточно характерен. Вообще к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Вполне естественно такие офицеры имели все основания рассчитывать на попадание в кандидатские списки курсов в первую очередь.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А. А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского государственного университета. Активно участвовал в украинизации армии и даже был членом комиссии по украинизации. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки и просил зачислить его на курсы⁵⁷.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели те офицеры, которые прослушали какую-то часть академического курса в Петрограде. Например, подполковник А. А. Степанов (Стефанов), окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди

⁵⁵ Курсы Генштаба при начальной команде Украинской галицийской армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего восемь недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно (ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9). К сожалению, в моем распоряжении нет данных о том, функционировали ли эти курсы или же так и остались в проекте.

⁵⁶ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 7 об. — 8.

⁵⁷ Там же. Л. 134.

Николаевской военной академии. Вполне естественно, запросы у таких офицеров были выше. В частности, Степанов 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий — в Германию или при невозможности — в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»⁵⁸. Степанов знал немецкий и польский языки и слабее французский. При этом он представил свою блестящую аттестацию, данную командиром дивизии⁵⁹.

Другой пример представляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П. С. Бордонис, который 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторского отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки⁶⁰.

Вышеприведенные примеры показывают, что желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы было немало. В связи с этим возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, по данным на октябрь 1920 г., семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое — на украинские курсы⁶¹. Подобное желание можно понять, тем более, что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под таким благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремились аж 20 человек, но в основном в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы⁶².

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось.

⁵⁸ Там же. Л. 121.

⁵⁹ Там же. Л. 122 об.

⁶⁰ Там же. Л. 4.

⁶¹ Там же. Л. 12.

⁶² Там же. Л. 35.

Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3 888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9 000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и правительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше, вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов, тем не менее, не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла мысль использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Очевидно, что руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) думало о военном реванше, рассчитывая на поддержку поляков. Для реванша необходима была сильная и подготовленная армия. Именно в целях развертывания такой армии и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. Была у такой подготовки и другая причина. Очевидно, что за время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской военной академии (не исключая тех, кто окончил ускоренные академические курсы в годы Первой мировой) сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки в украинской армии младших офицеров Генштаба.

В апреле 1921 г. из Ченстохова в Тарнов к военному министру УНР был вызван вр. и. д. 3-го генерал-квартирмейстера украинского ГУГШ полковник В. А. Сигарев (окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба в 1898 г.), которо-

му было поручено составить положение об ускоренных курсах для подготовки штабных офицеров, а также объехать лагеря и подыскать место для устройства курсов.

Сигарев был добросовестным и ответственным работником. Яркую характеристику этого офицера привел в своих неопубликованных воспоминаниях генерал Янушевский: «К счастью, в Генеральном штабе под моим начальством служил 3-м генерал-квартирмейстером старый академик, б. русской службы полковник Василий Афанасьевич Сигарев, с которым я познакомился уже по прибытии в Тарнов. Это был лучший тип старого офицера Генерального Штаба: воспитанный, прекрасно образованный, знаток военного дела и выдающийся специалист по воспитанию молодежи в военных училищах, — он был одарен еще двумя неопределимыми качествами — спокойным, уравновешенным характером и необычайною скромностью. Последняя его особенность и была, вероятно, причиною того, что этот в высшей [степени] ценный и нужный работник оставался в украинской армии незамеченным, в то время, как далеко младшие по службе, — не говоря уже о военных познаниях и опыте, — политические «дяди» Удовиченко и Петров сделали такую головокружительную карьеру и давно уже были генералами... Присмотревшись ближе к этой безупречной во всех отношениях личности, я мало по малу сблизился с ним и в его обществе стал находить то, чего так долго был лишен и чего мне не доставало в таборе (лагере *(укр.)*). — А. Г.), — возможности “отвести душу”, поделиться своими думами и переживаниями с человеком, понимающим жизнь так, как я ее понимал.

Полковник Сигарев покинул табор вскоре после меня и перешел на частную службу в Брест. Мы поселились вместе, и я навсегда буду благодарен ему за его высокоинтеллигентное общество и безукоризненно корректное отношение, которое очень скрасило мне нелегкие условия эмигрантской жизни на чужбине.

Насколько были близоруки строители “майбутней Української Державы”, не использовав пребывания этого ценного человека в таборе, можно видеть из следующего ко мне письма из Калишского табора от 11-IX 1922 года:

“После Вашего отъезда только отъезд Василия Афанасьевича произвел здесь такое же сильное впечатление: между козаками идет разговор, что верно все кончено, если Генеральный Штаб уезжает...”⁶³.

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.

29 апреля 1921 г. военный министр УНР генерал М. В. Омельнович-Павленко приказал Сигареву поехать в лагерь в Вадовицах для организации школы Генштаба и курсов куренных офицеров. Первоначально допускалась возможность организовать курсы в каждом лагере⁶⁴.

Вопрос приобрел немалую остроту, но Сигарев выполнил порученную ему работу добросовестно и подготовил военному министру обстоятельный доклад на эту тему. В ряде центров размещения украинских военных эмигрантов для курсов просто не существовало элементарных условий — не было помещений для занятий и проживания учащихся. Необходимо было учитывать и наличие педагогических кадров. В наибольшей степени соответствовал условиям создания курсов украинский беженский лагерь № 10 в Калише⁶⁵, который был самым крупным и наиболее благоустроенным. Это стало ясно уже к лету 1921 г. Кроме того, всего в трех верстах от калишского лагеря находился другой украинский беженский лагерь в Щепиорно. Удобство состояло в том, что основная масса будущих слушателей находилась на месте и не нуждалась в перевозке. Переезд же из других лагерей оказался проблематичным.

Лагерь в Калише возник еще в 1914 г. В декабре 1920 г. в нем были размещены остатки 3-й Железной стрелковой дивизии генерала А. И. Удовиченко, а позднее 2-й Волынской стрелковой дивизии генерала А. А. Загородского. Также в Калише был размещен украинский военный госпиталь. Осенью 1921 г. сюда было переведено Военное министерство УНР во главе с генералом А. М. Вовком. Кроме того, в лагерь перебралось немало представителей высшего командного состава украинской армии⁶⁶. В общей сложности здесь размещалось несколько тысяч украинских солдат и офицеров.

Культурная жизнь лагеря была достаточно активной⁶⁷. Делались доклады, устраивались концерты, литературные вечера, выставки, были открыты курсы для неграмотных и малограмотных, начальная школа, гимназия им. Т. Шевченко, детский сад,

⁶⁴ Там же. Л. 85 об.

⁶⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 4. Всего на территории Польши было создано 22 лагеря для интернированных русских и украинцев (Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń, 2001. P. 136–137).

⁶⁶ Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 108.

⁶⁷ Подробнее см.: Зубенко І. «Веселка» й «веселківці» // За державність. Матеріали до історії війська Українського. Зб. 9. Варшава, 1938. С. 226–235.

функционировало несколько библиотек, три оркестра, хоровые коллективы (в том числе офицерский хор 3-й дивизии), школа танцев, художественная школа (в которой, кстати, учился живописи украинский генерал-генштабист П. К. Ерошевич и другие⁶⁸), издавались газеты и журналы. При 3-й дивизии возникла дивизионная историческая комиссия, занимавшаяся сбором документов и материалов по истории этого соединения. В то же время культурная активность украинских военных эмигрантов, в значительной степени, проходила под антирусскими лозунгами.

Предпринимались шаги и в военно-образовательной сфере. В ноябре 1921 г. в Калише начала функционировать объединенная юнкерская школа, в которой преподавали некоторые бывшие русские генштабисты, как, например, генералы С. И. Дядюша, В. Е. Змиенко, С. Н. Кульжинский. В школе начали обучаться 405 юнкеров. Готовились пехотные, кавалерийские и артиллерийские офицеры. Всего в 1921–1923 гг. было осуществлено три выпуска слушателей школы, выпущено 228 офицеров⁶⁹. С апреля 1921 г. при 3-й дивизии начала работать дивизионная школа офицеров. К преподаванию в ней также привлекались кадры Генштаба, в частности начальник дивизии генерал А. И. Удовиченко. В декабре 1921 г. было выпущено 150 хорунжих. Также при дивизии в феврале 1921 г. была организована школа военных чиновников. В сентябре 1921 г. при 2-й дивизии возникли технические курсы, на которых обучались 80 офицеров (полный курс окончили 20), а в 1922 г. для выпускников открылась военная электротехническая школа, выпуск которой составил 10 человек⁷⁰.

Разумеется, лагерь со столь активной культурной и образовательной жизнью идеально подходил для организации курсов Генштаба. Тем более, что украинские ветераны Гражданской войны, обладавшие обширным практическим опытом, испытывали недостаток теоретической подготовки и специальных военных знаний. К тому же украинское руководство рассчитывало подготовить именно национальные кадры Генштаба, фанатично преданные идеалам украинского национализма. Нельзя исключить того, что в случае возобновления борьбы с большевиками украинское руководство предполагало заменить бывших русских генштабистов новыми национальными кадрами. Парадокс заключался в том, что украинские кадры Генштаба должны были

⁶⁸ Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 115.

⁶⁹ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена. С. 56–57.

⁷⁰ Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 117–121.

готовить все те же бывшие русские офицеры, да и сами слушатели представляли собой, в подавляющем большинстве, бывших офицеров русской армии.

Полковник Сигарев составил временное положение о курсах и их временный штат, предусматривавший 6 лекторов и 60 офицеров-слушателей⁷¹. Согласно положению целью курсов была подготовка младших офицеров для оперативной работы в войсковых штабах. В кратчайшие сроки требовалось дать слушателям практические навыки по службе Генштаба. В перспективе для этого предполагалось открыть национальную академию Генштаба, выпускники которой получали бы уже полноценное высшее военное образование.

По проекту Сигарева на курсы зачислялись по 8–10 офицеров от каждой дивизии (по выбору командиров дивизий) из числа лучших в строевом и моральном отношении, здоровых и подходящих для штабной службы⁷². Слушатели должны были прослужить не менее трех лет в офицерских чинах (как было и при поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба), из которых два года (возможно, даже с перерывом) на украинской службе, в строю или на должностях Генштаба в штабах дивизий и бригад. Требовалось, по возможности, наличие среднего образования и чин не ниже поручика.

Сигарев составил примерную учебную программу курсов. Предполагалось, что слушатели будут изучать общие принципы и историю стратегии, повторительный курс элементарной тактики и подробный практический курс, построенный на сопоставлении с тактикой иностранных армий, практических занятиях на картах и в поле и заканчивающийся военной игрой. В отношении военной истории Сигарев считал достаточным досконально изучить какую-либо одну кампанию. Слушатели должны были изучать технику штабной службы уровня штаба дивизии. Также было намечено изучение топографии, черчение схем, освоение геодезических инструментов. Слушателям должны были читаться курсы по артиллерии и коннице, включая изучение технических вопросов и роль в современной войне. Особняком стоял курс военной администрации, предусматривавший изучение принципов организации армии и родов войск, организацию украинской армии и соседних держав, военно-хозяйственные вопросы. Сигарев запланировал изучение курса военной статистики Украи-

⁷¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 5.

⁷² Там же. Л. 8.

ны и соседних государств, возможные будущие театры войны. Для укрепления национального духа был намечен курс украиноведения (українознавства) — история и география Украины, украинская государственность, украинский язык и литература. Также предполагалось изучать польский язык.

Занятия должны были проходить в форме лекций, практических занятий в классе и в поле, репетиций, отчетных практических работ и выпускных испытаний. Продолжительность лекции составляла 45 мин. Учебный план Сигарева включал 720 часов занятий. Учеба должна была длиться 6 дней в неделю и 6 месяцев. Средний балл за курс выводился как средний за репетиции и практические работы. Выпускной балл по каждой дисциплине складывался из балла за курс, балла за отчетную работу и балла за экзамен. Итоговый балл исчислялся как среднее арифметическое всех выпускных баллов с точностью до одной сотой.

Сигарев изложил и свое видение прав выпускников курсов. Выпускники получали свидетельства, дававшие им право на поступление в будущем без экзаменов на младший курс украинской академии Генштаба мирного времени, а также назначались на должности в оперативных штабах армии УНР или в отделах Генерального штаба. Выпускникам полагались денежное пособие, штабная униформа и месячный отпуск. Лучшие в выпуске из числа владеющих иностранными языками могли командироваться в иностранные военные академии. В разработке этих основополагающих документов Сигареву помогал подполковник С. Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии в Петрограде, и подполковник Б. Е. Снигирев, окончивший старший класс курсов 1-й очереди.

Подготовленные Сигаревым документы были рассмотрены начальником Генерального штаба генерал-хорунжим В. П. Сальским, военным министром генерал-хорунжим М. Д. Безручко и главным атаманом. Именно на основании этих документов и были организованы курсы. Всего планировалось зачислить на курсы 60 слушателей⁷³.

В конце июля 1921 г. на совете старших начальников армии УНР в Калише было решено, наконец, приступить к непосредственному формированию курсов. Основным препятствием было отсутствие средств. Для непосредственной организационной работы в начале августа 1921 г. в Калиш был командирован под-

⁷³ Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory (CAW). I. 380. 7. 9.

полковник Вышемирский, на которого была возложена вся подготовительная работа. Начальником калишского лагеря являлся слушатель ускоренных курсов академии Генштаба в Петрограде генерал-хорунжий Удовиченко, который оказал Вышемирскому всяческую поддержку.

Осенью 1921 г. курсы, наконец, открылись под названием «Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР («Скорочения курсі по підготовці старшин до праці в оперативних штабах армії УНР»)). Было решено не называть их курсами Генштаба — в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а, кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем военное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же именовал их курсами Генштаба⁷⁴. Поскольку речь шла не о знаниях, а о марке Генштаба, украинские националисты рассчитывали противопоставить выпускников курсов враждебным украинской идее генштабистам русской школы, чтобы создать подлинно украинскую армию⁷⁵. Расколоть украинский Генштаб отчасти удалось, о чем будет сказано ниже, однако политиканы националистического толка не учли того, что большинство преподавателей курсов в прошлом являлись офицерами русской армии. Отношение к ним в украинской армии было далеко не всегда благожелательным, но, вместе с тем, от них настойчиво требовали передавать все свои знания украинским офицерам. При этом далеко не все они были русофобами. Думается, не случайно в украинском юмористическом журнале «Колочки», издававшемся в Ченстохове, была напечатана карикатура «Лекция по родному языку в Генеральном штабе», на которой были изображены в качестве школьников уже немолодые офицеры, читающие по буквам с доски надпись: «Пора уже всем научиться родному языку»⁷⁶.

Курсы возникли из небольшого аппарата управления из начальника курсов, заведующего учебной частью, заведующего административно-хозяйственной частью, двух штаб-офицеров, заведующего слушателями, канцелярией и хозяйственным отделом⁷⁷.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

⁷⁵ Там же. Л. 87.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 33. Л. 46 об.

⁷⁷ САУ. I. 380. 7. 9.

31 октября 1921 г. начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик Сергей Иванович Дядюша (26.09.1870–23.05.1933). Необходимо сказать несколько слов об этом офицере. Дядюша был генерал-майором русской армии, родился он в городе Хорол⁷⁸, в дворянской семье Полтавской губернии. Якобы, один из его предков участвовал в Полтавской битве на стороне шведов и их союзника гетмана И. Мазепы⁷⁹, впрочем, по другим данным, сотник Полтавского реестрового полка Дядюша, наоборот, участвовал в обороне Полтавы от шведов в 1709 г.⁸⁰ Будущий генерал окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1887), 1-е военное Павловское училище (1889) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду в 1900 г. В 1900 г. Дядюша женился на дочери действительного статского советника Надежде Андреевне Поповой. В 1902 г. у молодого офицера родилась дочь Нина, затем родились еще трое детей: в 1904 г. — Ирина, в 1908 г. — Надежда и в 1910 г. — Игорь.

Служба Дядюши проходила в Варшавском и Московском военных округах. Он, очевидно, имел склонность к преподавательской деятельности, поскольку в 1904–1908 гг. был преподавателем военных наук (тактики, артиллерии) в Алексеевском военном училище в Москве. На фронт Первой мировой он пошел полковником, начальником штаба 1-й гренадерской дивизии. На фронте, находясь в должности командира 2-го гренадерского Ростовского Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полка (с 16 ноября 1914 г.), Дядюша сумел отличиться и был удостоен Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 5 мая 1915 г.). 18 июля 1915 г. он был ранен и до сентября находился на излечении в Москве. 6 декабря 1915 г. Дядюша был произведен в генерал-майоры. Затем служил начальником штаба

⁷⁸ Сергійчук В. Соборна пам'ять України: календар-альманах на 2008 рік. К., 2007. С. 110.

⁷⁹ Kolańczuk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939. Słownik biograficzny. Przemysł, 2009. S. 96. Впрочем, эта работа содержит целый ряд неточностей (например, к украинским генералам в ней отнесены С. В. Петлюра и Н. И. Махно), в том числе и в отношении биографии С. И. Дядюши. В частности, неверно указаны даты окончания им училища и академии, искажены некоторые места службы, даты исполнения им обязанностей военного министра УНР, утверждается, что он происходил из казачьей, а не из дворянской семьи.

⁸⁰ Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Ч. 1. Біографічно-довідкова. К., 1995. С. 50.

84-й пехотной дивизии (с 20 января 1916 г.) и начальником штаба IV армейского корпуса (с 11.03.1917). Со 2 января 1918 г. занимал пост начальника штаба 6-й армии на Румынском фронте (г. Болград), будучи назначен на этот пост украинской Центральной Радой⁸¹.

В 1918 г. Дядюша вступил на путь украинизации, вспомнив о корнях и, видимо, решив, что сможет выдвинуться на украинской службе. С 17 апреля 1918 г. он командовал Волинским (с 3 июня 1918 г. — I) корпусом украинской армии, штаб которого находился в Ровно. Начальником штаба корпуса был полковник П. И. Липко.

Сведения об отношении генерала к антигетманскому восстанию в ноябре 1918 г. противоречивы. Одни исследователи утверждают, что только два гетманских корпусных командира из восьми — Дядюша и генерал П. К. Ерошевич — сразу поддержали Директорию⁸². Другие — что, наоборот, в период антигетманского восстания Дядюша занял нейтральную позицию: как симпатизирующему Директории, ему был направлен тайный приказ оставить командование корпусом и выехать в Киев, но генерал не покинул Житомир, где находился, в связи с чем с приходом к власти Директории был снят со своего поста⁸³.

С 1 декабря 1918 г. Дядюша находился в распоряжении штаба войск Директории УНР. Некоторое время проживал частным образом в Житомире. 27 января 1919 г. генерал был назначен главным инспектором пехоты Действующей армии УНР и выехал в Винницу. Но подлинное карьерное выдвижение Дядюши произошло при головном атамане С. В. Петлюре. С 7 апреля 1919 г. Дядюша занял пост генерал-квартирмейстера Холмской группы войск. С 17 июня 1919 г. служил генералом для поручений ГУГШ Действующей армии УНР. Наконец, с 19 марта по 19 апреля 1920 г. возглавлял ГУГШ УНР. С 5 июня 1920 г. Дядюша исполнял обязанности 2-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР (утвержден 3 июля 1920 г.). Кроме того, он временно исполнял обязанности начальника ГУГШ УНР. В ав-

⁸¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г. — 10 января 1918 г. М., 1962. С. 634.

⁸² Бойко О. Д. Директорія у боротьбі за владу: хід протигетманського повстання, фактори перемоги // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1921 рр. Вип. 4. К., 2009. С. 226–227.

⁸³ Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство. С. 51; Он же. Українські збройні сили березень 1917 р. — листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). К., 2009. С. 229.

густе 1920 г. заболел тяжелой формой дизентерии⁸⁴. В Польше Дядюша первоначально находился в лагере Ланцут, где работал лектором школы подхорунжих и Украинского народного университета. Затем Дядюша перебрался в Тарнов, а с мая 1921 г. — в Калиш⁸⁵.

С 8 февраля по 24 марта 1921 г. он исполнял обязанности военного министра УНР, достигнув высшего военного поста, на какой только мог рассчитывать бывший русский офицер в лагере украинских националистов, после чего вернулся к обязанностям 2-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР⁸⁶. Дядюша входил в состав Высшего Военного Совета (Рады) УНР, который возглавлял генерал Юнаков. 3 августа 1921 г. Дядюша был произведен в генерал-поручики. Он так и остался в Калише до самой смерти, причем даже состоял в правлении Калишской украинской станицы и был похоронен на местном православном кладбище⁸⁷. В эмигрантский период он вел активную общественную деятельность, состоял в Военно-историческом товариществе.

Что же это был за человек? Мнения на этот счет расходятся. С одной стороны, в списке офицеров Генерального штаба до полковников включительно, которые еще не назначены на должности в украинской армии, составленном 24 мая 1918 г., Дядюша указан как украинец, который вдобавок к этому говорил по-украински⁸⁸. Таковых в списке было абсолютное меньшинство: только 13 из 51 офицера, а тех, кто назвался украинцами, лишь 7 че-

⁸⁴ САУ. І.380.2.293. Л. 129.

⁸⁵ Kolańczuk A. *UkrainiŃscy generałowie*. S. 97.

⁸⁶ Приказы войску УНР № 2 от 7 февраля 1921 г. и № 18 от 30 марта 1921 г. (Петлюра С. Статті, листи, документи. Т. 3. К., 1999. С. 377, 412).

⁸⁷ Служебный путь генерала Дядюши прослежен по: ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 359; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 65; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. 64; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004. С. 505; Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 492; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 440; Тинченко Я. Ю. Офицерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 150.

⁸⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 467 об. — 468.

ловец⁸⁹. Таким образом, генерал Дядюша, казалось бы, должен был находиться среди самых лояльных «незалежной» Украине генштабистов.

С другой стороны, некоторые поступки генерала давали повод для сомнений и беспокойства украинских политиков-националистов. 13 ноября 1919 г. бывший начальник отдела заграничной прессы украинского Генштаба подполковник Я. Макогон информировал русского военного агента в Польше о том, что Дядюша намеренно занимался разрушением петлюровской армии и тайно помогал деникинским организациям, при этом уверяя петлюровцев в своей лояльности⁹⁰. Макогон писал о Дядюше: «Назначен вместо ген. Шайбле, арестованного за расстройство Петлюровской организации. Продолжает полезную работу ген. Шайбле по разрушению организации армии Петлюры, выпивая водку с комиссарами и уверяя их в своей преданности. Был и есть в девятке (подпольной белогвардейской организации. — А. Г.). Принес массу пользы деникинским организациям, но, к сожалению, в последнее время, благодаря тому, что его видели у меня несколько раз, впал в подозрение, что за ним следят комиссары»⁹¹. Еще один красноречивый факт. В ноябре 1919 г. Дядюша не отправился вместе с остатками украинских войск в Зимний поход, а намеренно остался в отошедшем затем к полякам Каменце-Подольском якобы для присмотра за больными тифом офицерами и солдатами⁹², хотя занимал пост начальника ГУТШ, не имевший отношения к присмотру за больными. По мнению украинского историка М. А. Ковальчука, осенью 1919 г. Дядюша искал возможности покинуть украинскую армию⁹³ и, видимо, бежать к деникинцам, что является еще одним свидетельством его нелояльности петлюровцам.

В полной мере нельзя исключать того, что в украинских националистических кругах недавний русский генерал, возглавивший украинский Генштаб, вызывал резкое неприятие, в результате ему было предъявлено стандартное обвинение в принадлежности к «москалям». Особенно ярко эти противоречия проявились в эмиграции, когда вообще обострились взаимоотношения вну-

⁸⁹ Подробный анализ этого списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 92–93.

⁹⁰ Ковальчук М. Невідома війна 1919 року. С. 455.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁹² Тинченко Я. Ю. Українське офіцерство. С. 52.

⁹³ Ковальчук М. Невідома війна 1919 року. С. 260.

три замкнутых эмигрантских сообществ. Обвинения в отношении генерала доходили подчас до гротескных форм, вполне характеризующих суть петлюровского движения. Например, 5 мая 1926 г. Дядюша писал своему прежнему сослуживцу Сигареву: «Так как я веду себя очень осторожно, и со служебного боку меня поддеть почти невозможно, то компания повелась против моей частной жизни, что я кацап, вожусь только с кацапами, русские в Калише (подчеркнуто Сигаревым. — А. Г.) называют меня русским генералом и своим, что я бывал на русских вечерах, что устраивала калишская русская колония и, наконец, что я ношу старые генеральские брюки с лампасами, вообще масса ужасных смертных грехов...»⁹⁴. Далее он жаловался на откровенные интриги, доходившие до абсурда, например главе правительства УНР А. Н. Левицкому и военному министру генерал-хорунжему В. П. Сальскому в Варшаву, а, возможно, и Петлюре, что «6 / XII 25 г. я, будучи у Севастьянова на именинах, во время ужина провозгласил тост за верховного вождя русской армии В [еликого] К [нязя] Николая Николаевича, конфуз для меня вышел крупный, т. к. в этот день я был болен и весь день просидел в станице, о чем почтительнейше и доложил Сальскому⁹⁵, на его вопрос было ли это и даже сконфузил его, сославшись как на свидетеля на Куща⁹⁶, но, тем не менее, в один из последних приездов (он приезжает ежемесячно — привозит деньги на содержание станицы) он опять сообщил мне, что прислан донос на мои штаны и не просил, а молил спороть лампасы, но я категорически заявил, что штаны портить не стану, они у меня одни приличные, а когда соберусь пошить себе совсем приличный штатский костюм (а не с чужого плеча как у нас ходят), то и сам этих пресловутых штанов одевать не буду, удовлетворять же глупые требования идиотов я не намерен...»⁹⁷.

Абсурдные оправдательные документы Дядюши, адресованные военному министру генералу Сальскому, что он не связан с русской эмиграцией, а если и бывал на русских концертах, то лишь как простой зритель, сохранились и в личном деле генерала, хранящемся в Киеве⁹⁸. Сохранились также и обвинения

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 59.

⁹⁵ Сальский Владимир Петрович (04.07.1885–05.10.1940) — генерал-хорунжий, военный министр УНР.

⁹⁶ Куц Виктор Максимович (10.11.1878–21.11.1942) — генерал-хорунжий, начальник Генерального штаба УНР.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 59 об. — 60.

⁹⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55. Л. 66.

в адрес Дядюши в связи с активным участием в жизни русской колонии Калиша⁹⁹.

Интересно, что семья Дядюши сразу после Гражданской войны (а возможно, и во время нее) проживала в Москве, причем генерал уже из Польши вел интенсивную еженедельную переписку с близкими. По некоторым данным, сын генерала даже стал красным курсантом¹⁰⁰. Супруга генерала работала портнихой. В письмах к семье генерал обычно пользовался русским языком.

Сложно сказать, каковы были подлинные взгляды Дядюши. Казалось бы, выбор в пользу украинизации свидетельствовал о позиции генерала вполне определенно. В то же время, очевидно, украинство Дядюши было достаточно умеренным и сочеталось с привычными для уже сформировавшегося в рамках Российской империи человека русским языком и культурой. Удивительно, но этот офицер, несмотря на свои взгляды, сумел достичь высших постов в украинской военной иерархии. Вполне естественно как интеллигент он не собирался отказываться от русского культурного багажа, понимая его огромное богатство и значение. Этого было достаточно, чтобы в украинских националистических кругах генерала считали нелояльным, но кадровый голод, особенно в отношении высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, не позволял петлюровскому руководству отказываться от использования таких офицеров. Думается, наличие таких офицеров в украинском военном руководстве в немалой степени способствовало сдерживанию русофобских побуждений в кругах украинских националистов петлюровского толка.

Вполне естественно условия жизни беженцев в калишском лагере не располагали ни к учебе, ни к занятиям наукой. Тем не менее, думается, работа на курсах скрашивала однообразную лагерную жизнь беженцев, которую начальник курсов генерал Дядюша обоснованно называл в письме к генералу Янушевскому от 11 сентября 1922 г. «здешним болотом»¹⁰¹. Организация учебного процесса в столь неподходящих условиях потребовала огромных усилий. Постоянно не хватало самых необходимых материалов¹⁰², в том числе канцелярских принадлеж-

⁹⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰⁰ Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 — березень 1918). К.—Львів, 1996. С. 3.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.

¹⁰² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 14 об.

ностей. Начальник Генштаба УНР генерал-хорунжий В. Н. Петров даже написал, что курсы являются делом государственной важности, которое не может быть провалено из-за отсутствия карандашей и бумаги¹⁰³.

Генерал Петров вспоминал, что получил два письма от Никиты Ефимовича Шаповала из Праги, представлявшего украинский общественный комитет в Чехословацкой республике¹⁰⁴, от 6 сентября и 7 октября 1921 г., которые обнадеживали относительно возможного открытия курсов. Сам Петлюра 24 сентября сообщил о возможности открытия курсов только из средств Шаповала.

Петров 6 сентября выехал в Варшаву для организации взаимодействия с польским Генштабом, перевода в калишский лагерь офицеров Генштаба и подготовки открытия курсов для штабных офицеров, о которых мечтал Петлюра¹⁰⁵. Несмотря на то что после Рижского мирного договора, положившего конец советско-польской войне, правительство УНР не воспринималось поляками как значимая сила, миссия Петрова увенчалась частичным успехом. Генштаб в Калише сконцентрировать не удалось, но было получено разрешение польских властей на перевод желавших пройти курс обучения. Тем не менее реализация задуманного оказалась не такой простой. Перевезти слушателей из других лагерей удалось только в ноябре, причем нелегально, под видом партии рабочих¹⁰⁶.

Как вспоминал генерал Янушевский, «особым фавором у Петлюры пользовалась Академия Генерального Штаба: он только и «мріяв» — мечтал о том, чтобы поскорее открыть такую Академию, которая давала бы «свій національний Генеральний штаб».

Что это должно было означать я так и не могу сказать и уверен, что и сам Петлюра не давал себе ясного отчета, что это должно обозначать в действительности. Я даже подозреваю,

¹⁰³ Там же. Л. 15 об.

¹⁰⁴ Украинский общественный комитет в Чехословацкой республике — частная добровольная организация, действовавшая при финансовой поддержке чехословацкого МИД. В состав комитета входило около сотни членов из числа украинских эмигрантов. Основан 7 июля 1921 г. по инициативе Н. Е. Шаповала и Н. Я. Григорьева. Функционировал до 1925 г. Главной задачей организации была материальная и юридическая помощь украинским беженцам (Подробнее см.: Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999. С. 76–79).

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 191об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 193 об.

что он не знал, что такое офицер Генерального штаба и какая его роль в армии... Петлюра не знал назначения Генерального штаба и отождествлял его функции с функциями прочих военных штабов. Но ему страстно хотелось увековечить свое имя основанием на Украине новой Академии Генерального штаба. Поэтому он так и домогался открыть учреждение под таким названием, нимало не заботясь о том, что будет на самом деле под этою вывескою...»¹⁰⁷.

Первый приказ по курсам был подписан еще 16 октября 1921 г. Уже тогда в штате значились завуч подполковник Вышемирский, его помощник подполковник Дукельский, и. д. заведующего административно-хозяйственной частью полковник Е. Бакланов-Петров, и. д. заведующего хозяйством подполковник Систрицкий, и. д. младшего офицера для поручений при начальнике курсов сотник Шклярук, и. д. штаб-офицеров, заведующих слушателями, полковники А. Рыбицкий и Алексин¹⁰⁸.

27 октября 1921 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 63 об открытии курсов и назначении командного состава. Уже 4 ноября были получены первые денежные средства на курсы, 266 000 польских марок, что дало возможность обзавестись необходимым имуществом, прежде всего мебелью.

К 1 ноября уже был подготовлен список из 14 лекторов:

Табл. 1. Преподаватели и учебный план курсов¹⁰⁹

Лектор	Должность	Курс и число часов
Генерального штаба генерал-поручик С. И. Дядюша	и. д. начальника курсов	Тактика. 180 часов
Генерального штаба генерал-хорунжий А. И. Удовиченко	начальник 3-й дивизии	Топография. 40 часов
Генерального штаба подполковник С. Н. Вышемирский	и. д. завуча	Техника штабной службы. 105 часов

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об. — 84.

¹⁰⁸ САУ. I. 380. 7. 2. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Л. 2. Чины указаны в соответствии с документом, инициалы преподавателей добавлены публикатором.

Подполковник А. В. Липский	лектор государственной юнкерской школы	Артиллерия. 20 часов
Подполковник К. К. Цурканов	лектор государственной юнкерской школы	Конница. 10 часов
Подполковник П. М. Критский	лектор государственной юнкерской школы	Фортификация. 15 часов
Полковник С. Е. Рошицкий	председатель переводной комиссии 3-й дивизии	Администрация. 20 часов. Статистика. 20 часов
Полковник П. А. Науменко	лектор юнкерской школы 3-й дивизии	Военная история. 15 часов
Сотник Ружицкий	военный прокурор	Законоведение. 10 часов
Сотник Журалев	председатель ревизионной комиссии 3-й дивизии	Хозяйство. 5 часов
Сотник Ф. Крушинский	лектор государственной юнкерской школы	Украинское письмо- водство. 40 часов
Пан Добровольский	лектор государственной юнкерской школы	География Украины. 30 часов
Поручик А. Коршновский	лектор государственной юнкерской школы	История Украины. 40 часов; польский язык. 30 часов
Генерал-поручик Г. Е. Янушевский	помощник начальника Генерального штаба	Стратегия. 10 часов

Как выяснилось, не все слушатели могли прибыть в лагерь, т. к. польская лагерная администрация препятствовала этому. Поэтому открытие второго класса было отложено. В первую очередь были приняты на курсы офицеры из 2-й и 3-й дивизий, а также офицеры 6-й дивизии, прибывшие из Александрова.

Начиная с 10 ноября, были проведены вступительные экзамены на знание уставов — строевого (пехотного, кавалерийского и артиллерийского), полевого, гарнизонного, дисциплинарного и внутренней службы (полковники П. Ф. Шандрук и А. Рыбицкий, подполковники С. Н. Вышемирский и Н. К. Данилевич),

по тактике за курс юнкерского училища (генерал-хорунжий Куш, полковник Рыбицкий, подполковники Вышемирский и Цурканов), топографии (генерал-хорунжий Удовиченко, сотники Неганов, Мендюк) и письменная работа — сочинение на военную, историческую или общую тему (подполковник Вышемирский, сотник Ф. Крушинский, поручик А. Коршновский)¹¹⁰. Оценки выставлялись по 12-балльной системе. Для держания экзаменов прибыли 37 офицеров из 2-й, 3-й, 4-й и 6-й дивизий, а также из объединенной юнкерской школы. 7 офицеров были кадровыми и 30 — военного времени. Зачислены были 35 человек. По всей видимости, экзамены были лишь формальностью, т. к. отчислены было только два человека, при том, что слушатели не были предупреждены о необходимости сдавать экзамены и, соответственно, не готовились к ним¹¹¹. Фактически от поступавших требовался минимум познаний в рамках программы военных училищ.

В воскресенье 20 ноября был отслужен молебен в присутствии начальника калишского лагеря генерал-инспектора армии УНР генерал-хорунжего Удовиченко, начальника Генштаба генерал-хорунжего Петрова, помощника начальника Генштаба генерал-поручика Янушевского и 3-го генерал-квартирмейстера полковника Сигарева. На правах старшего офицера Генерального штаба в украинской армии генерал Янушевский выступил с речью о роли генштабистов в армии, отметив ограниченность программы курсов и сказав, что это никак не курсе Генерального штаба¹¹². Эта речь оказалась полной неожиданностью для слушателей и была вскоре доложена Петлюре. Янушевский вспоминал об этом эпизоде: «По выражению лиц старшин (т. е. офицеров (*укр.*) — А. Г.) курсантов было видно, что их внимание впервые останавливается на этой теме. Мне показалось, что они недовольны, что от них так далеко уходит горизонт, на краю которого они видели уже и ученый знак, и ученый аксельбант, и высокое звание офицера Генерального Штаба»¹¹³.

Учеба началась на следующий день, 21 ноября 1921 г. Срок обучения был намечен шестимесячный, и один месяц давался для экзаменов. Как отмечалось, слушатели занимались с большим упорством. Генерал В. Н. Петров видел в курсах суррогат

¹¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 86.

¹¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

¹¹³ Там же.

высшего военного образования для части офицеров¹¹⁴. Он отмечал, что, несмотря на обещания поддержки со стороны поляков в деле организации курсов, реальной помощи оказано не было. Сам Петров считал наиболее эффективным организовать подготовку офицеров в форме военного факультета университета, а не в виде самостоятельного учреждения.

Параллельно с курсами в другом украинском беженском лагере в Стшалково на территории Польши с июля 1921 г. функционировал военный факультет Украинского народного университета, которым руководил генерал-поручик И. С. Мартынюк. На факультете первоначально обучались 62 слушателя, а позднее их численность возросла до 235. На факультете велись занятия по стратегии, тактике, истории военного искусства, военной администрации, артиллерии, фортификации, военной географии, статистике и психологии. При факультете издавался журнал «Военный вестник» («Військовий Вісник»), публиковались работы слушателей. Однако, по оценке генерала Янушевского, это учреждение представляло собой бессистемную авантюру, ничего не дававшую в служебном отношении своим выпускникам даже по сравнению с ускоренными курсами¹¹⁵. Мартынюк, по свидетельству Янушевского, никогда ничего не писал, но назначил себя деканом, набрал два десятка офицеров из так называемой «новой интеллигенции» (т. е. не связанных с Россией), которые стали по очереди «профессорствовать», требовали себе особые права и пытались вести переговоры с Петлюрой в обход Генерального штаба¹¹⁶. При этом почетным деканом факультета считался бывший профессор императорской Николаевской военной академии генерал-поручик Н. Л. Юнаков. Факультет просуществовал до 26 июня 1922 г. Полный курс прослушали 170 человек, тогда как успешно сдали выпускные экзамены только 11 слушателей¹¹⁷. Впрочем, факультет едва ли можно назвать аналогом курсов Генштаба, а тем более военной академии. Также для понимания уровня военного факультета в ряду военно-учебных заведений украинской эмиграции стоит отметить, что некоторые его выпускники позднее обучались на калишских курсах¹¹⁸.

¹¹⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2.

¹¹⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 162. Л. 205.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–85 об.

¹¹⁷ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена. С. 59–60.

¹¹⁸ Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 102.

Учеба в беженских условиях давалась нелегко, тем не менее слушатели калишских курсов были преисполнены энтузиазма. Один из них, сотник 6-й стрелковой дивизии Н. А. Россиневич, писал генералу В. Е. Змиенко 27 ноября 1921 г., когда курсы еще только открылись, что «приходится сидеть в шинелях и все время дуть в кулак, чтоб не замерзли руки, поскольку почти все приходится записывать, т. к. учебников нет»¹¹⁹. У автора письма не укладывалось в голове то, чему учили на курсах. Приходилось дополнительно готовиться по вечерам, читать военную и общественно-политическую литературу¹²⁰. Не исключено, что слушатели курсов образовали своеобразные землячества по дивизиям, от которых были командированы.

По свидетельству преподававшего на курсах генерала Янушевского, не было учебных пособий, а деньги, обещанные Петлюрой, отпускались в недостаточном количестве и неаккуратно. В результате, например, история франко-прусской войны 1870–1871 гг. читалась по курсу «Всеобщей истории» и энциклопедическим словарям. Более того, среди преподавателей вообще не было ни одного специалиста по военной истории¹²¹. Курс стратегии читался всего 15 часов. Кстати, конспект этого курса, подготовленный генералом Янушевским, сохранился до наших дней. Он открывался теоретической частью с разъяснением слушателям значения терминов «стратегия» и «война»¹²².

Важнейшим источником о деятельности курсов 1-й очереди является подробный отчет начальника курсов генерала Дядюши начальнику Генерального штаба от 7 августа 1922 г. В этом отчете генерал отметил, что по некоторым дисциплинам учебников не удалось приобрести вовсе, и лекторы готовились на основании собственных знаний и отрывочных данных из польской и французской периодической печати. Это относилось к таким курсам, как техника штабной службы, статистика и администрация. Слушатели были вынуждены вести подробные конспекты.

При этом генерал Дядюша отмечал, что многие слушатели поступали на курсы лишь, чтобы упорядочить свои знания, полученные на практике в годы войны. Однако первые же занятия показали, что слушатели мало что знали.

¹¹⁹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6 об.

¹²⁰ Там же. Л. 7.

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92 об.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

Преподавательский состав курсов был достаточно представительным. Как уже отмечалось, Положение о курсах разработал полковник В. А. Сигарев — выпускник Николаевской академии Генштаба, ему же по должности 3-го генерал-квартирмейстера и были подчинены курсы в общем порядке, а уже через него — начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью курсов стал подполковник С. Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы Николаевской военной академии в Петрограде¹²³. Заведующим административно-хозяйственной частью курсов стал полковник Бакланов-Петров, заведующим слушателями — полковник Рыбицкий, адъютантом курсов — сотник Шклярук.

Штат курсов предусматривал четырнадцать лекторов¹²⁴. Подбором лекторов руководил сам начальник курсов генерал Дядюша, как он сам позднее отмечал, были привлечены лучшие педагогические силы, имевшиеся в Калише. Курс стратегии читали выпускники академии Генштаба генералы Г. Е. Янушевский и В. М. Куц. 12 января 1922 г. генерал Дядюша обратился к генерал-хорунжему Н. А. Капустянскому с просьбой подготовиться к чтению лекций по военной истории на курсах¹²⁵. В целом же распределение преподавателей по курсам было следующим:

Табл. 2.

*Распределение преподавателей по читаемым дисциплинам*¹²⁶

Курс	Преподаватель
Тактика	Генштаба генерал-поручик Дядюша
Топография	Генштаба генерал-хорунжий Удовиченко
Техника штабной службы	Генштаба подполковник Вышемирский
Артиллерия	Подполковник Липский
Конница	Подполковник Цурканов
Фортификация	Полковник Критский
Администрация	Полковник Рощицкий
Статистика	Полковник Рощицкий
Военная история	Полковник Науменко

¹²³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 296. Л. 22.

¹²⁴ Там же. Л. 5.

¹²⁵ Там же. Л. 2.

¹²⁶ Там же. Л. 78.

Законоведение	Сотник Ружицкий
Хозяйство	Сотник Журалев
Украинское письмо	Сотник Крушинский
География Украины	Пан Добровольский
История Украины	Поручик Коршновский
Польский язык	Поручик Коршновский
Стратегия	Генштаба генерал-поручик Янушевский

27 декабря 1921 г. на специальном заседании педагогического совета было постановлено, что курсы не выпускают готовых офицеров Генштаба, поскольку никаких условий для этого нет. Руководство курсов ставило цель лишь натаскать слушателей на выполнение шаблонной штабной работы на случай новой войны с Советской Россией.

Учебный план и его выполнение см. в таблице 3¹²⁷.

Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 часа лекций и проведено 165 практических занятий. Обратим внимание на большой объем учебных часов по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким, как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили 6,2 % занятий¹²⁸. Генерал Дядюша считал это хорошим показателем.

Типичное недельное расписание занятий см. в таблице 4.

Впрочем, устоялось несколько отличное расписание с занятиями 9–9.45, 9.55–10.40, 10.50–11.35, 11.45–12.30, 12.40–13.25.

К началу марта 1922 г. на курсах закончились имевшиеся денежные средства. Обращения к начальнику Генштаба и командирам дивизий¹²⁹ результата не дали. И 6 марта занятия были прекращены вовсе, за исключением чтения рефератов и проведения репетиций, что не требовало никаких расходов. Перерыв в обучении не повредил слушателям и преподавателям, наоборот, они получили непродолжительный отдых. Только 20 марта начальник Генштаба передал курсам 20 000 польских марок, а командиры дивизий согласились помогать слушателям бумагой

¹²⁷ Там же. Л. 83.

¹²⁸ Там же. Л. 42.

¹²⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 17.

Табл. 3. Учебный план курсов и его реализация

Предмет	Предусмотрено учебным планом		Предусмотрено еженедельными расписаниями		Фактически проведено	Пропущено по вине лекторов		Пропущено по независящим причинам	
	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий		Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий
Стратегия	10		17		15		1		1
Тактика	55	100	70	45	68	42			2
Техника штабной службы	30	75	33	77	31	77			2
Топография		40	10	22	10	22			
Военная игра		25		24		24			
Артиллерия	10	10	21		19			2	
Конница	10		12		12				
Фортификация	10	5	13		13				
Военная история	15		16		16				
Статистика	20		20		20				
Администрация	20		20		20				
Законоведение	10		15		15				
История Украины	40		43		40		1		2
География Украины	50		30		23		7		
Украинское письмо	40		42		32		10		
Польский язык	30		30		30				
Всего:	335	255	392	168	364	165	21	7	3

Табл. 4. Образец недельного расписания курсов

Часы		8.30-9.15	9.25-10.10	10.20-11.05	11.15-12.00	12.10-12.55
Понедельник	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Фортификация. Полк. Критский	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Конница. Полк. Цурканов	Украинское письмо. Сотн. Крушинский	
Вторник	То же	Украинское письмо. Сотн. Крушинский	То же	Законоведение. Военный прокурор Ружницкий	Артиллерия. Полк. Науменко	
Среда	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Фортификация. Полк. Критский	История Украины. Поручик Коршновский	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Военная история. Полк. Науменко	
Четверг	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	Артиллерия. Подполк. Липеский	Польский язык. Поручик Коршновский	География Украины. Пан Добровольский	
Пятница	Конница. Подполк. Цурканов	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	История Украины. Поручик Коршновский	Воен. история. Полк. Науменко	Тактика. ГШ ген.-поручик Дядюша	
Суббота	Техника штабной службы. ГШ подполк. Вышемирский	География Украины. Пан Добровольский	Хозяйство. Сотн. Жюралев	Законоведение. Военный прокурор Ружницкий	Польский язык. Поручик Коршновский	

и карандашами. В тот же день работа курсов возобновилась. Весной на курсах начались полевые практические занятия. 20 мая, наконец, учебный курс был закончен. 23 мая 1922 г., когда учеба на курсах уже завершилась и шли экзамены, было, наконец, выпущено и утверждено Петлюрой временное положение об ускоренных курсах, основанное на проекте Сигарева¹³⁰.

Интересны названия рефератов, которые писали слушатели: «Трехдюймовая артиллерия в освободительной украинско-московской борьбе» (сотник В. Я. Шевченко), «Оборона Замостья VI стрелковой дивизией в 1920 г.» (сотник А. В. Домарадский), «Распад бывшей Российской армии и основы формирования украинской армии в 1917 г.» (сотник Д. Никитин), «Украинская сечь и ее значение для армии и государства» (поручик И. Д. Приходченко), «Борьба с конницей и бронепоездами большевиков» (подполковник А. В. Новицкий), «Работа офицеров по воспитанию казаков как сознательных воинов» (поручик Е. В. Пустовойт), «Армия и политика» (сотник А. С. Ляшенко) и т. д. Несколько слушателей посвятили свои работы новейшему техническому средству — танкам, а также химическому оружию¹³¹. Всего было прочитано 25 рефератов¹³².

У генерала Янушевского как раз работа слушателей над рефератами оставила особенно негативные впечатления. Во-первых, они стали писать их на разных языках, что не позволяло говорить даже о зачатках одного из основных принципов организации Генштаба — единства военной доктрины. Кем-то был даже пущен слух, что офицеры русского Генштаба, якобы, испугались молодых украинских курсовиков и потому всячески мешали курсам. В связи с этим Янушевский решил присутствовать хотя бы два раза в неделю по несколько часов на обсуждении рефератов. Янушевский выслушивал доклад, а затем выступал на ту же тему, указывая на ошибки докладчика. По его компетентной оценке, лишь два или три из всех могли быть признаны удовлетворительными, большинство же никуда не годилось. «Жалко было слушать эти потуги», — записал генерал в своих мемуарах¹³³. Интересно, что в учебном процессе преподаватели и слушатели использовали русские карты¹³⁴.

¹³⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 4. Д. 9. Л. 26.

¹³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 75–75 об.

¹³² САУ. I. 380.7.9.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 93 об.

¹³⁴ САУ. I.380.7.6.

Обучение сопровождалось военной игрой, идея проведения которой принадлежала генералу Петрову, тогда как Янушевский был настроен скептически. Общее руководство осуществлял сам Петров, сторонами руководили Янушевский и Сигарев. Материалы игры сохранились¹³⁵. Игра проходила в период с 3 января по 9 июня 1922 г. по два раза в неделю и заинтересовала участников, многие из которых даже говорили, что стали иначе смотреть на материал учебников. В игре должны были участвовать все офицеры, но многие не были готовы к игре, как не было и подготовленных посредников. Нередко участники игры переходили в область стратегии. Впрочем, за пять месяцев удалось лишь дойти до столкновения сторон, после чего игра завершилась. По данным И. В. Срибняка, в рамках военной игры в общей сложности было проведено 23 занятия¹³⁶. Скептик Янушевский в заключение привел цитату из «Стратегии» Г. А. Леера о том, что половинные знания вреднее полного невежества¹³⁷.

В целом подготовка одного слушателя обошлась украинскому эмигрантскому бюджету в 22 700 польских марок. В общей сложности было израсходовано: 144 611 польских марок на обустройство помещений и покупку инвентаря; 92 790 польских марок на бумагу и канцелярские принадлежности; 16 200 польских марок — на хозяйственные нужды; 52 299 польских марок — на покупку учебников; 5 350 польских марок — на командировки; 102 850 польских марок — на оплату работы лекторов; 100 000 польских марок составила материальная помощь слушателям и 30 000 — материальная помощь постоянному составу курсов, на устройство торжественного выпуска слушателей потребовалось 70 000 польских марок¹³⁸. Итого расходы составили 614 100 польских марок.

Выпускные экзамены 1-й очереди курсов прошли в присутствии командного состава украинской армии в период с 22 мая по 20 июня 1922 г. Экзаменам предшествовали репетиции, которые должны были завершиться 15 мая. Накануне экзаменов, 9 мая 1922 г., сотник Россиневич писал о предстоящих испытаниях генералу Змиенко как о попытке в связи с отсутствием учебников¹³⁹. На фоне убожества прочей лагерной жизни учеба на курсах была действительно

¹³⁵ САУ. I.380.7.4.

¹³⁶ Срибняк І. Обеззбросна, але нескорена. С. 54.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.

¹³⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 42.

¹³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

интересным и полезным занятием. Не случайно тот же Россиневич написал, что пока слушатели готовились к экзаменам, «в дивизии живут по-старому. Грызутся вовсю»¹⁴⁰. Ничего особенного в таком положении дел не было. Через дразги и разложение прошли не только интернированные украинцы, но и оказавшиеся по итогам Гражданской войны в беженских лагерях ветераны белых армий.

Выпускников экзаменовали по тактике, стратегии, военной истории, технике штабной службы, истории Украины, географии Украины, украинскому письму, фортификации, топографии, законоведению, коннице, артиллерии, военной администрации, статистике и по польскому языку¹⁴¹.

Экзамены у выпускников 1-й очереди принимали:

*Табл. 5. Экзамены и экзаменаторы на курсах 1-й очереди*¹⁴²

Предмет	Экзаменаторы
Тактика (22.05)	Полковник Сигарев, генерал-поручик Дядюша, полковник Б. И. Сулковский
Стратегия (24.05)	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Куц, полковник Сулковский
Военная история (27.05)	Полковник Сигарев, полковник Науменко, генерал-хорунжий Куц
Техника штабной службы (29.05)	Полковник Сигарев, подполковник Вышемирский, полковник Сулковский
История Украины (31.05)	Генерал-поручик Дядюша, хорунжий Коршновский, подполковник В. П. Евтимович
Фортификация (02.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Критский, подполковник Вышемирский
Топография (03.06)	Полковник Сигарев, сотник Мендюк, сотник Неганов
Законоведение (06.06)	Генерал-поручик Дядюша, военный прокурор Ружицкий, подполковник Вышемирский
Конница (08.06)	Генерал-поручик Дядюша, подполковник Цурканов, полковник Рыбицкий

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 24–24 об.

¹⁴² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 84–84 об; Д. 167. Л. 24–24 об. В работе: Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 123. Оpubлiкован ошибочный список.

Артиллерия (10.06)	Подполковник Вышемирский, подполковник Липецкий, подполковник Данилевич
Администрация (12.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Роцицкий, подполковник Данилевич
Статистика (14.06)	Генерал-поручик Дядюша, полковник Роцицкий, подполковник Вышемирский
География Украины (16.06)	Полковник Сигарев, полковник Рыбицкий, полковник Сулковский
Украинское письмо (19.06)	Полковник Рыбицкий, сотник Крушинский, подполковник Евтимович
Польский язык (20.06)	Подполковник Вышемирский, хорунжий Коршновский, полковник Рыбицкий

Лучшим по выпускному баллу оказался сотник В. Я. Шевченко, набравший с большим отрывом от других 11,87 балла. Все 27 выпускников были переведены в распоряжение начальника Генштаба и получили выпускные свидетельства.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводительной документации курсов и были нами опубликованы¹⁴³.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известен возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших¹⁴⁴.

Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей или 38,2 %, от 34 известных нам, еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо — реальное училище, кроме того 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и еще пятеро — высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую 4-класеную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей, 7 человек, видимо, в связи с войной не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек,

¹⁴³ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 746–750.

¹⁴⁴ Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. I. 380.7.2; I.380.7.11; I.380.7.13. Судя по всему, данные, приведенные на этот счет в работах И. Срибняка, не вполне точны (См., напр.: Срібняк І. До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.).

Табл. 6. Образовательный ценз слушателей 1-й очереди курсов

Категория	Слушателей
Начальное образование	
Окончили кадетский корпус или военную гимназию	3
Окончили реальное училище	4
Окончили городскую 4-классную школу	1
Окончили высшее начальное училище	2
Окончили землемерное училище	1
Окончили коммерческое училище	1
Окончили гимназию	13
Окончили учительскую семинарию	6
Специальное военное образование	
Окончили военное училище до 1915	6
Окончили военное училище после 1914	15
Окончил офицерскую школу в Австрии	1
Окончили школу прапорщиков	12
Окончили инструкторскую школу офицеров, технические курсы или пулеметную школу	4
Высшее образование	
Неполный курс университета или учительского института	7
Окончили университет или учительский институт	2

или 79,4 % известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей, не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, четыре человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, лишь сотник А. В. Домарадский представлял австрийскую армию, будучи уроженцем Галичины.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступивших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже сред-

него — 3 человека и низшее — 5 человек¹⁴⁵. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших.

Распределение 36 поступивших на 1-ю очередь курсов по чинам было следующим:

Табл. 7. Данные о чинах слушателей 1-й очереди курсов

Чин	Слушателей
Хорунжие	4
Поручики	5
Сотники	22
Подполковники	5

Как видно, абсолютное большинство (61 %) было представлено сотниками. Стоит отметить, что ко времени окончания курсов многие слушатели получили очередные воинские звания. Сотниками стали трое из четырех хорунжих и трое из пятерых поручиков, четверо сотников были произведены в подполковники и один подполковник дослужился до полковника.

На курсы были командированы 7 офицеров от 2-й Волынской стрелковой дивизии, 18 офицеров от 3-й Железной стрелковой дивизии, один офицер от 4-й Киевской дивизии, 4 офицера из объединенной юнкерской школы и 6 офицеров от 6-й стрелковой дивизии.

Курсы окончили лишь 27 человек из 36 зачисленных¹⁴⁶. Интересно проследить взаимосвязь прежней подготовки с неудачей на курсах. К сожалению, об одном из недоучившихся сведений нет. Что касается остальных, то результат получается несколько неожиданным. Среди 8 недоучившихся, о которых есть подробная информация, двое слушателей с высшим образованием. Отчисление всех известных нам слушателей с высшим образованием (сотник Н. Т. Дехнич и подполковник Е. И. Макаренко) не может не вызывать удивление. Возможно, эти люди решили, что окончание курсов им ничего не даст. Также двое недоучившихся окончили военные училища до 1915 г. и, по крайней мере, один из них относился к кадровым офицерам. В отношении

¹⁴⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.

¹⁴⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. I.380.7.2.

остальных отчисленных каких-то закономерностей выявить не удалось.

27 июня 1922 г. состоялся торжественный выпуск с выдачей свидетельств об окончании курсов каждому выпускнику. Выпускники на банкете несколько раз пили за здоровье отсутствовавшего генерала Янушевского, преподавание которого им особенно запомнилось. Кроме того, генералу был подготовлен благодарственный адрес, который он так и не получил, в чем видел проявление русофобии украинских националистических кругов, пытавшихся не допустить роста авторитета выпускника российской военной академии.

Затем выпускники были уволены в месячный отпуск, из которого должны были прибыть в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на должности в оперативных штабах армии УНР. Кроме того, они могли поступать без экзаменов в младший класс будущей украинской академии Генерального штаба и носить штабную униформу с аксельбантом.

20 июля выпускников в письме военному министру поздравил головной атаман С. В. Петлюра, который назвал первый выпуск курсов новым этапом развития украинской армии¹⁴⁷. Петлюра отметил, что будет внимательно следить за работой в армии новых штабных офицеров и просил военного министра и начальника Генштаба проявить как можно больше энергии и инициативы для наиболее целесообразного использования полученных офицерами на курсах знаний и развития у этих офицеров интереса к европейской военной науке, «главные ценности и достижения которой наш укрепленный молодыми элементами Генеральный штаб, я верю, с пользой пересадит на украинскую почву»¹⁴⁸.

10 августа 1922 г. в приказе Генштабу УНР № 25 организаторам курсов — генералу Дядюше, полковникам Сигареву и Рыбицкому, подполковнику Вышемирскому и всем лекторам — была выражена благодарность.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, начальник Генштаба генерал-хорунжий В. М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран¹⁴⁹. Пятнадцать выпускников были

¹⁴⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 96 об.

¹⁴⁸ Там же; также опубликовано в приказе Генеральному штабу УНР № 24 от 31.07.1922 — ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 246. Л. 26.

¹⁴⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.

рекомендованы продолжить учебу в польской военной академии¹⁵⁰, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

В это время интернированная в лагерях украинская армия насчитывала (по списку на 1 июня 1922 г.) 2 863 офицера, 717 военных чиновников, 6 920 казаков, 646 женщин и 274 ребенка. Всего 11 420 человек¹⁵¹. Фактическая численность была существенно ниже. Таким образом, украинской армии как реальной силы к этому времени практически не существовало. В самом калишском лагере, по данным на 30 мая 1921 г., находилось 4 395 человек (максимальная численность за период с декабря 1920 по октябрь 1921 г.), к 1 апреля 1922 г. в лагерях Калиш и Щепиорно числилось 5 788 человек¹⁵². В дальнейшем численность интернированных в лагере неуклонно снижалась. Так, по данным на сентябрь 1922 г., из лагеря ежедневно в Советскую Россию уезжали по 30–40 человек, в связи с чем генерал Дядюша прогнозировал, что лагеря хватит не более чем на месяц¹⁵³. Он даже считал, что оставаться в лагере зимовать означало верную смерть, так как состояние лагерных барачков оставляло желать лучшего, холод чувствовался уже в сентябре¹⁵⁴. К сентябрю 1923 г. в Калише и Щепиорно осталось 2753 интернированных¹⁵⁵.

Возникает вопрос, зачем понадобилось готовить кадры работников Генштаба, если вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА. К сожалению, разумного ответа на этот парадокс украинского военного строительства нет. Документы позволяют утверждать, что украинское военно-политическое руководство в это время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (направившись параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние разгромленного украинского воинства, очевидно, не позволяло рассчитывать на успех подобной авантюры.

Еще в период работы курсов возникла идея открытия второго класса. Ее открытие было предварительно намечено на 6 марта 1922 г., а конкурсный отбор велся с 27 февраля. Условия зачисления были жесткими. Для занесения в кандидатские списки

¹⁵⁰ Там же. Л. 119.

¹⁵¹ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

¹⁵² Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 136, 150.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

¹⁵⁴ Там же. Л. 14 об.

¹⁵⁵ Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 150.

требовалась отличная аттестация и представление непосредственного начальства, не менее двух лет службы в офицерских чинах в украинской армии при условии, что офицеры не служили в армиях, враждебных идее украинской государственности (видимо, имелись в виду, прежде всего, красные и белые армии), кандидаты должны были иметь чин не выше подполковника, полное военное образование (полный курс юнкерского училища) либо за отсутствием такового значительный боевой опыт в украинской освободительной борьбе и в Первой мировой войне, также по возможности полное среднее общее образование.

Поступающие должны были выдержать вступительные экзамены по следующим предметам: элементарная тактика (курс юнкерского училища); решение тактической задачи на плане со всеми пояснениями; топография (глазомерная съемка в поле); письменный доклад на одну из тем — общую, военную или по истории Украины; уставы — дисциплинарный, гарнизонный, полевой, внутренней службы и строевой пехотный.

По старшинству среднего балла на курсы планировалось зачислить первых 30 офицеров. Курс обучения намечался шестимесячный. Все успешно окончившие получали право службы в войсковых штабах на должностях офицеров Генштаба и в будущем имели право на поступление в украинскую академию Генштаба, а некоторая часть из знавших иностранные языки могла быть командирована в иностранные военные академии на вакаnsии для украинских офицеров. Сбор желающих поступить на курсы велся в Калишском лагере¹⁵⁶. Однако второй класс тогда не открылся как по причине острейших материальных затруднений украинских властей, так и в связи с тем, что нашлось только семь желающих учиться из состава 5-й стрелковой и отдельной конной дивизий, которые прибыли на курсы по направлениям начальников дивизий еще в декабре 1921 г., но не были зачислены¹⁵⁷.

На осень 1922 г. было запланировано открытие 2-й очереди курсов по подготовке офицеров штабной службы¹⁵⁸. Вполне естественно учитывался уже приобретенный ранее опыт. Его проанализировал выпускник Николаевской академии Генштаба полковник В. А. Сигарев, представивший результаты своей работы начальнику Генштаба. Сигарев не скрывал серьезных орга-

¹⁵⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 79.

¹⁵⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 41 об., 74 (список этих офицеров); САУ. I. 380. 7. 5.

¹⁵⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 18.

низационных упушений на курсах. По оценке Сигарева, первый выпуск не только продемонстрировал возможность вести учебный процесс, но и вскрыл множество проблем. В частности, Сигарев обращал внимание на отсутствие учебников как у слушателей, так и у преподавателей. В результате последние готовились к занятиям по памяти со всеми вытекающими из такой «подготовки» последствиями. Возможности размножить конспекты лекций в лагере не имелось. Сигарев отмечал и бытовые неудобства: в помещениях для занятий был проведен недостаточный ремонт, не хватало топлива, часть занятий проходила в помещениях, где проживали сами слушатели. Кроме того, слушатели нуждались в дополнительном продовольственном пайке — выдаче сала и хлеба на руки. Наконец, остро не хватало канцелярских принадлежностей, что даже вело к срыву занятий. В частности, в период с 6 по 22 марта 1922 г. именно из-за того, что на курсах не было ни одного листа бумаги и ни одного карандаша, занятий не велось вовсе. Кроме того, тяжелые жизненные условия многих преподавателей не позволяли им нормально готовиться к занятиям.

По мнению Сигарева, для открытия новой очереди курсов требовалось, прежде всего, провести ремонт помещений, приобрести учебники (хотя бы по одному на 4–5 слушателей по каждому предмету), а также организовать помещения для подготовки лекторов. Еще одной проблемой была трудность организации полевых выходов, необходимых для практического освоения навыков службы Генштаба¹⁵⁹.

Курсы 2-й очереди предполагалось открыть из расчета в 35 слушателей. Каждому из слушателей должны были платить по 5 000 польских марок в год. Всего на курсы требовалось 1 140 000 марок. 11 августа 1922 г. в поддержку открытия курсов 2-й очереди высказался Петлюра, по мнению которого в дальнейшем необходимо было открыть украинскую академию Генштаба¹⁶⁰. Интересно, что в ходе обсуждения вопроса об открытии курсов 2-й очереди возник вопрос о назначении нового начальника курсов. Альтернативным кандидатом относительно прежнего начальника генерала Дядюши был предложен генерал-хорунжий В. Е. Змиенко, также выпускник Императорской Николаевской военной академии¹⁶¹.

¹⁵⁹ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 38.

¹⁶¹ Там же. Л. 54 об.

Впрочем, эти споры были отложены из-за нехватки средств. В 1922 г. курсы так и не открылись. Тем не менее обсуждение учебной программы украинским военным руководством продолжалось. Начальник Генштаба генерал Куц предлагал военному министру расширить практическую подготовку слушателей 2-й очереди, увеличить срок обучения с полугода до восьми месяцев и назвать курсы академическими¹⁶². Он ориентировался на пример Николаевской военной академии, организовавшей подобные курсы еще в 1916 г. По всей видимости, Куц хотел, чтобы украинские эмигрантские курсы Генштаба были не хуже российских.

В докладе генерала Куца генерал-инспектору армии УНР от 5 ноября 1922 г. отмечалось, что опыт первого выпуска курсов показал, что «такие курсы или еще с расширенной программой крайне необходимы для Армии У. Н. Р., если желательно сохранить кадры армии и иметь в ее действующих Штабах знающих работников»¹⁶³.

Куц отмечал немногочисленность офицеров Генштаба в украинской армии и полное отсутствие младших офицеров. При этом открыть академию Генерального штаба не было никакой возможности в связи с отсутствием денег, преподавателей, помещений, необходимой литературы, свободы передвижения для проведения практических занятий, а также в связи с чрезвычайно тяжелыми условиями жизни, как моральными, так и материальными. Куц ссылался и на резолюцию Петлюры, наложенную на доклад генерального инспектора армии УНР от 29 июля 1922 г., в которой главной атаман указывал, что открытие курсов всецело отвечает его давним планам и будет осуществлено при первых финансовых возможностях.

Откладывать начало учебного процесса Куц считал нецелесообразным, т. к. быстрое падение курса польской марки могло привести к невозможности возрождения курсов. Набор, по мнению Куца, должен был составить 30 слушателей. Учебный план включал 18 дисциплин. Особенно острым Куц считал вопрос с преподавателями. Он надеялся обеспечить их полекционной платой в размере 500 марок в час, а также жалованием в размере 15 000 марок в месяц. Куц полагал необходимым полностью обеспечить преподавателей, чтобы они не отвлекались от работы на курсах и не занимались дополнительными подработками. Оклад начальника курсов составлял 25 000 марок, заведующего

¹⁶² Там же. Л. 62.

¹⁶³ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

учебной частью — 20 000 марок. Слушателям намечалось выплачивать по 5000 марок ежемесячно. Куц подготовил предварительную смету расходов на открытие курсов. Учебники предполагалось закупить в Варшаве, на что выделялось 500 000 марок, не считая командировочных расходов.

В конце декабря 1922 г. была созвана даже специальная конференция, обсуждавшая предстоящее открытие курсов. На первом заседании 28 декабря присутствовали и. д. начальника Генштаба генерал-хорунжий В. М. Куц, генерал-хорунжий В. Н. Петров, С. И. Дядюша, Н. А. Капустянский, В. Г. Шенель, Э. И. Башинский, А. И. Козьма, М. Д. Безручко, В. Е. Змиенко, А. А. Загородский, Н. Е. Шаповал, А. С. Пороховщиков и пан Н. В. (?) Прокопович при секретаре подполковнике С. Н. Вышемирском⁶⁴.

На заседании обсуждался вопрос получения украинскими офицерами высшего военного образования как на курсах, так и в иностранных военных академиях. С последними не все складывалось благоприятно. Чехословакия отказала украинцам, Румыния предоставила три вакансии в академии и две на подготовительных курсах, но за счет обучающихся, Сербия и Венгрия не дали ответа.

Одним из основных предметов обсуждения и спора стал вопрос о том, открывать подготовительные курсы или первый класс военной академии. Не меньшую остроту имел вопрос финансирования курсов, с чем не было никакой определенности. Споры разгорелись и относительно того, следует ли расширять учебную программу. Генералы Куц, Петров, Шаповал и Змиенко стояли за расширение, вплоть до годовичного курса, но генерал Дядюша выступил против новых дисциплин и лишь за углубление уже преподававшихся. Генерал Петров говорил о необходимости усиления практической подготовки слушателей по примеру французской военной академии. В итоге было решено открыть академические курсы с расширенной программой, а, по возможности, также расширить знания выпускников курсов 1-й очереди.

Касательно обеспечения курсов преподавательским составом были определены преподаватели по основным дисциплинам. Преподавателями были намечены генерал Куц (стратегия), генерал Змиенко и подполковник Вышемирский (техника штабной службы).

Второе заседание комиссии состоялось на следующий день, 29 декабря. Состав присутствующих был прежним, за исключе-

⁶⁴ Там же. Л. 42.

нием генералов Шепеля и Загородского (последний, видимо, подошел уже в ходе заседания, т. к. фигурирует в протоколе). На этот раз детально обсуждалось преподавание тактики на курсах. Было принято решение вести элементарную и прикладную тактику силами разных преподавателей. Преподавателями элементарной тактики были намечены генералы Дядюша и Пороховщиков, а курс прикладной тактики должны были вести генералы Сигарев и Безручко¹⁶⁵. Курс топографии решено было предложить генералу А. И. Удовиченко. Также были намечены преподаватели других дисциплин. По военной истории генерал Безручко должен был вести курс франко-прусской войны, Балканских войн и начало кампании 1914 г., а также украинскую освободительную борьбу. Генерал Капустянский был намечен для чтения курса истории Первой мировой. Историю военного искусства должен был читать генерал Петров, причем было решено добавить в курс примеры, связанные с Украиной. Курс военной администрации, который должен был читать генерал Галкин, планировалось также построить на украинской почве с учетом исторической и этнографической специфики региона. Военная статистика должна была читаться по прежней программе с добавлением обзора территории Украины в ее этнических границах. В качестве лекторов предлагались генералы Ерошевич и Сальский. На курсах было решено вести курс украинского языка, который многие офицеры плохо знали¹⁶⁶. В качестве иностранного языка был намечен французский или немецкий.

Также возник вопрос о порядке зачисления на курсы. Вступительные экзамены некоторым из присутствующих казались в беженских условиях нежелательными. Существовала даже вероятность того, что желающих поступить на курсы не окажется. На этот случай рассматривалась возможность обязательного командирования слушателей в приказном порядке. Также планировалось приглашать на занятия офицеров из калишского лагеря помимо обучавшихся.

Литературу было решено закупить в Варшаве и за рубежом, а также обратиться за помощью в польский Генштаб для обеспечения картами и книгами из бывших военных библиотек. Лекции было решено стенографировать, а затем литографировать. Сами лекторы должны были предоставлять слушателям конспекты прочитанных лекций.

¹⁶⁵ Там же. Л. 43 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 44.

Интересно, что Петлюра в конце 1922 г. отдал личное указание относительно кандидатур некоторых лекторов. В частности, он пожелал, чтобы на курсах работали генералы Петров, Капустянский (курс истории военной борьбы 1918–1920 гг.), Безручко, Змиенко, Ерошевич, Сальский и Галкин (курс военно-административного права)¹⁶⁷. Очевидно, этим генералам Петлюра тогда доверял.

В конце ноября — начале декабря 1922 г. обсуждалась идея сделать почетным главой академических курсов генерал-поручика Н. Л. Юнакова — в прошлом профессора императорской Николаевской военной академии¹⁶⁸.

Генерал В. Н. Петров 29 декабря 1922 г. обратился к начальнику Генерального штаба с докладом, в котором настаивал на необходимости открытия еще одного курса для выпускников 1-й очереди. В качестве аргумента Петров отмечал, что предполагается продолжить борьбу в удобный момент силами 6 пехотных и одной конной дивизий, каждая из которых имела трехбригадный состав. Эти дивизии будут объединены в две группы, которыми будет руководить штаб действующей армии. Также будет создан штаб запасных войск, отвечающий за пополнение армии. Петров допускал возможность самостоятельных действий каждой из бригад, для чего необходимы были грамотные начальники бригадных штабов, не говоря уже о подготовленных начальниках штабов дивизий и групп, генерал-квартирмейстерах, начальниках отделов разведки и контрразведки штабов групп и действующей армии¹⁶⁹. Генштаб нуждался, как минимум, в пяти выпускниках курсов, а запасные войска — в трех. Всего, по расчетам Петрова, в начальный период предстоявшей войны с большевиками украинская армия нуждалась в 40 курсовиках для действующей армии, в 5 курсовиках для Генштаба и в 3 — для запасных войск. Итого требовалось 48 специалистов с высшим военным образованием, готовых к самостоятельной работе.

На момент подготовки доклада Петрова в украинской армии имелось 18 выпускников российской академии Генштаба, причем не менее 8 из них должны были занимать высшие военные посты. Петров считал, что для удержания одной только Правобережной Украины могло потребоваться увеличение армии не менее

¹⁶⁷ Там же. Л. 39.

¹⁶⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 117.

¹⁶⁹ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

чем в три раза, следовательно, необходимое количество генштабистов возрастало до 140 человек¹⁷⁰.

При этом Петров честно отмечал: «Те наши офицеры, что в этом году окончили Штабные курсы, не годятся по их знаниям вести самостоятельную работу»¹⁷¹. По мнению генерала, работать украинские курсовики могли только под руководством подготовленных людей. Более того, Петров считал, что и выпускники восьмимесячных курсов тоже не будут готовы к самостоятельной работе из-за отсутствия практической подготовки. Кроме того, Петров видел опасность в том, что выпускники курсов будут иметь разный уровень подготовки, тем более, что выпускники первой очереди в связи с необходимостью выживать в непростых беженских условиях постепенно забудут полученные знания. Петров справедливо указывал, что ношение кирпичей для строительства, рубка дров, плотничество и даже торговля и спекуляция, — чем занимались выпускники первой очереди, отнюдь не способствовали пополнению военных знаний¹⁷².

Учебный план по замыслу Петрова можно увидеть в табл. 8¹⁷³.

На экзамены отводилось 120 часов. Петров считал, что первый выпуск курсов можно именовать первым курсом академии и преподавать следующие дисциплины: историю военного искусства, операции мировой войны, историю украинской вооруженной борьбы, военную психологию, прикладную тактику и стратегию, администрацию иностранных армий, в особенности мобилизационный вопрос, сосредоточение войск и службу тылов, историю украинской культуры и украинского войска, украинский язык, углубленно один из иностранных языков. Самым главным Петров считал практические работы на планах по примеру тех, что велись на втором курсе Николаевской академии, когда слушатели оперировали группой из двух дивизий и разрабатывали все необходимые документы. Эти задачи, по мнению Петрова, могли заканчиваться диспутом по примеру дополнительного курса Николаевской академии, а также полевой поездкой. Только после такой подготовки, как считал Петров, офицеры первого выпуска будут готовы к самостоятельной штабной работе. Однако в эмигрантских условиях грандиозные планы генерала Петрова воплощены в жизнь не были.

¹⁷⁰ Там же. Л. 40 об.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же. Л. 41.

¹⁷³ САУ. I. 380. 7. 9.

Табл. 8. Предполагаемый учебный план (разработка генерала В. Н. Петрова)

Название дисциплины	Фамилия лектора	Часов лекций	Часов практ. занятий		Всего часов	Репетит-ций
			В классе	В поле		
Стратегия	Генерал-хорунжий Куц	25 (30)			25	2
Техника штабной службы	Подполковник Вышемирский	45	90		135	2
	Генерал-хорунжий Эмиенко					
Тактика	Генерал-поручик Дядюша	70	50	40	160	3
	Генерал-хорунжий Безручко					
Военная игра	Войсковой старшина ГПШ		40		40	
Технические войска	Генерал-хорунжий Петров	25			25	2
	Подполковник Липский	20			20	2
Артиллерия	Подполковник Цурканов	15			15	1
Конница	Генерал-хорунжий Удовиченко	15		30	45	1
Топография	Генерал-хорунжий Козьма	30 (40)			30	2
Инженерное дело	Полковник Критский					
Военная история	Полковник Науменко	30			30	2
История военного искусства	Генерал-хорунжий Петров	40 (5)			45	4
История укр. освобод. борьбы	Генерал-хорунжий Капустянский	30			30	2
	Генерал-поручик Галкин	30			30	1
Администрация	Генерал-поручик Ерошевич	30			30	1
Статистика	Полковник Т. Г. Шалаев	25			25	2
Законоведение	Сотник Крушинский	50 30			50*	3
Украинское письмо	Капитан Прокопович	50			50	3
История Украины	Подполковник Евтимович	40			40	3
География Украины	Генерал-хорунжий Шаповал	30?			30	3
Украинский язык	Генерал-хорунжий Пороховщиков	50 40			50	4
Иностранный язык						
<i>Всего</i>		<i>655</i>	<i>180</i>	<i>70</i>	<i>905</i>	<i>31</i>

* Так в документе. — А. Г.

Как вспоминал генерал Янушевский, «в начале 1923 года Петлюра «рассудку вопреки, наперекор стихиям», снова попытался осуществить свою *idée fixe* — «академические курсы» Генерального Штаба. На этот раз его подстрекал к этому генерал Шаповал»¹⁷⁴. Однако, несмотря на обещания, украинские политики в Праге выполнили немного. Брат генерала Шаповала пообещал выплачивать по 2 000 чешских крон ежемесячно, но не сдержал обещания.

Вопрос об учебной программе курсов оставался дискуссионным. 29 января 1923 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 5 о расширении программы обучения. Предписывалось добавить историю военного искусства, разбор истории украинской вооруженной борьбы в 1918–1920 гг. и краткий обзор Первой мировой войны, а также украинский язык, французский или немецкий языки по выбору слушателей, написание рефератов по военной психологии. Срок обучения был определен 8-месячный, исключая экзамены. Предполагалось открыть курсы в феврале 1923 г. и назвать их академическими. Перед украинским командованием тогда остро стояла задача сохранить кадры армии. И курсы могли этому способствовать. Открытие останавливали лишь финансовые проблемы. Также был запланирован второй набор в 30 слушателей. Оплата лекторам должна была составить 15 000 польских марок в месяц, кроме лекционной. Для открытия требовался миллион марок. Всего необходимо было 1 140 000 польских марок однократно и ежемесячно 1 012 000. Петлюра писал начальнику Генштаба, что главной задачей курсов было сформировать украинских офицеров-государственников, которые бы несли идею государственной дисциплины и были бы фанатичной ей преданы¹⁷⁵. Интересно, что профессиональная подготовка в этих планах роли не играла.

История 2-й очереди курсов еще менее изучена, чем история 1-й очереди. К февралю 1923 г. был составлен список из 34 кандидатов в слушатели, набранных от Генштаба (3 офицера), 1-й Запорожской дивизии (14 офицеров), 4-й Киевской стрелковой дивизии (1 офицер), 5-й Херсонской стрелковой дивизии (6 офицеров), 6-й стрелковой дивизии (8 офицеров) и от штаба тыла (2 офицера)¹⁷⁶. Впрочем, в итоговый список зачисленных вошло уже 47 офицеров (2 полковника, 3 подполковника, 27 сотников,

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 191об.

¹⁷⁵ САУ. І.380.7.9.

¹⁷⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 65–66.

8 поручиков и 7 хорунжих), из которых семеро были вольнослушателями¹⁷⁷. Однако во втором выпуске 1924 г. было лишь 12 человек¹⁷⁸, 8 было отчислено по болезни, 7 — в связи с отъездом за границу. Интересно, что слушатели хотели завершить свое высшее образование уже в Чехословакии¹⁷⁹.

Начальник курсов генерал Дядюша писал 13 февраля генералу Янушевскому в связи с предстоящим открытием 2-й очереди курсов о сумбурности представлений Петлюры насчет этого проекта. По его мнению, для академических курсов у украинской военной эмиграции попросту не было преподавательского состава, так как не каждый окончивший военную академию мог преподавать. К тому же в украинской армии не было столько офицеров Генштаба, чтобы заместить все кафедры.

Дядюша скептически оценивал некоторые инициативы украинского руководства в военной области. Генерал считал, что попытка открыть военную академию — это показуха, тогда как, например, единственный обучавшийся в румынской военной академии украинский офицер сотник Я. Чайковский был брошен на произвол судьбы¹⁸⁰. При этом именно Дядюше Петлюра доверил руководство подготовкой на территории Польши кадров украинских генштабистов для будущего похода на Советскую Россию. Как говорят, головной атаман плохо разбирался в людях.

Академические курсы, по данным на 22 февраля 1923 г., насчитывали 34 слушателя, 10 офицеров, 6 лекторов и 3 казака. Из-за отсутствия денег учебный процесс не начался и в марте 1923 г. Ежемесячный расход на курсы требовал одного миллиона польских марок или 2 000 чехословацких крон¹⁸¹. По свидетельству полковника Критского, остававшегося в Калише в апреле 1923 г., уверенности в открытии новых курсов не было. Многие записавшиеся на них исчезли, а денег для открытия по-прежнему не хватало¹⁸².

Стоит отметить, что генерал Н. А. Капустянский 12 октября 1923 г. в своем письме генералу Дядюше с копией генералу Н. Е. Шаповалу прямо обвинил украинский общественный ко-

¹⁷⁷ Список опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 749–750. Неполный список с рядом неточностей опубликован в: Коляничук О. Українська військова еміграція. С. 122–123.

¹⁷⁸ САУ. I. 380.7.10.

¹⁷⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 12 об.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 84 об. — 85.

¹⁸¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 451.

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

митет в Чехословакии и его руководителя Шаповала (брата генерала Николая Ефимовича Шаповала — Никиту) в нецелевом расходовании средств, выделенных на курсы¹⁸³.

И все же 23 мая 1923 г. было решено начать обучение. Начальником курсов по-прежнему оставался генерал Дядюша. В его обязанности помимо прочего входило еженедельное предоставление расписания лекций начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью по-прежнему оставался Генштаба подполковник С. Вышемирский¹⁸⁴. Заведующим административно-управленческой частью — подполковник Д. Быстрицкий. Библиотекарем и адъютантом — сотник Шклярук. Заведующим слушателями — сотник Федоровский. Делопроизводителем хозяйственной части — административный подхорунжий Цимбал, казначеем — административный хорунжий Гринько. Должность делопроизводителя учебной части была вакантной¹⁸⁵.

Учебный план был рассчитан на 12 месяцев и включал 960 часов занятий, в том числе 240 часов выпускных экзаменов. Лекторами, по данным на 30 августа 1923 г., были 15 человек: генерал-хорунжие В. М. Куш, А. И. Удовиченко, А. С. Пороховщиков, В. Н. Петров, В. Е. Змиенко, Н. А. Капустянский, М. Д. Безручко; жена генерала Пороховщикова; подполковник В. П. Евтимович, профессор В. Прокопович (начальник культурно-просветительского управления армии УНР), военный инженер генерал-хорунжий А. И. Козьма, полковник П. А. Науменко, сотник И. Зубенко, военный инженер полковник П. М. Критский и подполковник К. К. Цурканов¹⁸⁶.

18 июля 1923 г. генерал Дядюша на нужды академических курсов получил 930 240 польских марок¹⁸⁷. По поводу финансирования

¹⁸³ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 20. Л. 7 об.

¹⁸⁴ По некоторым данным, позднее завучами были подполковник А. Вишневский и полковник П. Науменко (Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 121). Однако источник этих данных мне неизвестен, а в выявленных мною документах курсов об этом не упоминается.

¹⁸⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 506.

¹⁸⁶ Там же. Л. 483. На 31 января 1923 г. в списке лекторов также значился Генштаба подполковник С. Н. Вышемирский, Генштаба генерал-поручик С. И. Дядюша, подполковник А. В. Липский, генерал-поручик П. К. Ерошевич, военный прокурор полковник Т. Г. Шалаев, сотник Крушинский, генерал-хорунжий Н. Е. Шаповал, но не указан сотник Зубенко. Для зачисления в качестве лекторов предлагали по курсу военной администрации генерал-полковника А. С. Галкина и по технике артиллерии генерал-хорунжего В. М. Сварику (Там же. Л. 504).

¹⁸⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 1035. Л. 22.

новых курсов и их организации он писал переехавшему в Брест полковнику Сигареву 29 июля: «Между прочим, еще в конце прошлого года Шаповал заявил на собрании по поводу моих курсов, что Прага гарантирует ежемесячно на курсы 2 т[ысячи] корон, почему они (курсы) и предполагались к открытию, но выдав мне в январе 1 мил. марок (хотя должен был выдать 1 120 000) на первоначальные вытраты (так в документе. — *А. Г.*) в конце января заявил, что Прага отказывается давать курсам деньги, а потому он будет их субсидировать из сумм комитета, но уже только в размере 1 тыс. корон в месяц. Пришлось согласиться и на это. В мае он выдал мне 1 мил. марок (по курсу должен был дать 1 340 000), в июне дал 1 500 тыс. (курс 3 210 000). За июль еще ничего не выдал, но есть слух, что на днях даст 2 мил. и курс сейчас 4 200 тыс. Благодаря моей необычайной скаредности в расходах, я курсы пока веду, считая, что все работают даром, так как нельзя считать за вознаграждение преподавателю 5 тыс. за декаду и по 1 тыс. мар. за лекцию (здесь и далее подчеркнуто красным карандашом адресатом. — *А. Г.*) а своим урядовцам (Чиновникам (*укр.*). — *А. Г.*), по 15 тыс. в месяц, конечно, работают кое-как, но у слушателей возбужден все-таки большой интерес к знанию. Имею сейчас недурную библиотеку очень интересных книг, журнал Война и Мир Берлинский, журн. Военный Сборник Белградский, Воспоминания Лудендорфа, Воспоминания Кронпринца и т. п. Первые два журнала издания офицеров Русск[ого] Ген[ерального] штаба. Читаю их с захватывающим интересом. Сейчас на курсах сделал 2х недельные каникулы. Петров читает на курсах Администрацию, Истор[ию] Военн[ого] Искусства и тактику техники. Ждет рождения маленького провокатора. Капустянский читает у меня историю вызвольной (освободительной (*укр.*). — *А. Г.*) войны...»¹⁸⁸.

Курсы уже располагали библиотекой из 66 книг (на момент первого выпуска — 50 книг¹⁸⁹), в том числе 36 учебных пособий и восемь видов уставов¹⁹⁰. Ряд изданий был подготовлен генералом В. П. Сальским. В частности, ему принадлежали такие работы, как «Наши военные задачи на будущее и военная наука», «Восточный вопрос». В. Сигарев составил пособие «Как лучше проводить обучение стрельбе». Библиотека располагала и русским эмигрантским журналом «Война и мир», в котором печата-

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–41 об.

¹⁸⁹ САУ. I. 380. 7. 2. Л. 48.

¹⁹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 3. Д. 14. Л. 6–6 об., 7, 17.

лись статьи по различным вопросам военного дела. Литература для библиотеки собиралась украинскими эмигрантами из разных стран¹⁹¹.

Интересно, что выпускники украинских курсов очень быстро оказались вовлечены в политическую борьбу в эмиграции. Явным лидером первого выпуска был сотник И. М. Орел-Орленко. Он писал 28 ноября 1923 г. из Калиша о полном упадке военно-научного дела в украинской военной эмиграции, отмечал, что ни на что не хватало денег, а за новостями военной жизни и новыми достижениями никто не следил¹⁹². Примерно в это время у наиболее активных украинских военных эмигрантов возникла идея создать украинский военно-научный центр во главе с авторитетным генералом Юнаковым. Местом расположения центра должна была стать Прага как крупный учебно-научный центр Европы и один из центров украинской эмиграции. В Прагу предлагалось перевести и академические курсы из Калиша и открыть там полноценную украинскую академию Генштаба, а не ее суррогат, каким были курсы¹⁹³.

Молодые украинские курсовики явно противопоставляли себя старой национальной военной элите. Через украинского офицера Н. И. Удовиченко молодежь пыталась выйти на головного атамана С. В. Петлюру, посредством которого надеялась воздействовать на украинский общественный комитет в Праге. Молодые курсовики руководствовались слухами, что Петлюра благосклонно относился к начинаниям украинской военной молодежи¹⁹⁴.

Еще 18 июля 1923 г. выпускники курсов первой очереди А. Н. Иванов, В. Я. Шевченко и И. М. Орел-Орленко, а также полковник А. И. Кмета подписали коллективное письмо с просьбой помочь им закончить военное образование¹⁹⁵. В итоге им от Н. Е. Шаповала было обещано частичное финансирование учебы в румынской военной академии¹⁹⁶. Однако по политическим причинам командировка не состоялась.

При этом отзывы молодых амбициозных офицеров о представителях старшего поколения были в основном резко нега-

¹⁹¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 17.

¹⁹² Там же. Л. 59 об.

¹⁹³ Там же. Л. 70.

¹⁹⁴ Там же. Л. 82.

¹⁹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 42 об.

тивными. Тот же Орел-Орленко 16 января 1924 г. писал своему однокашнику по курсам сотнику В. Я. Шевченко: «Недавно узнал про [генерала А. П.] Грекова, что он украинец достаточно плохонький. Сейчас якшается с россиянами, а главное до сих пор даже не владеет украинским языком. Это меня чрезвычайно удивило»¹⁹⁷.

Письмо Орла-Орленко от 14 марта 1924 г. еще резче: «Стал я очень плохого мнения о наших генералах. Скажу одно, что если бы нам посчастливилось быть высшими военными специалистами, и мы в старших годах дошли бы до такого состояния, то незачем было бы и копы ломать»¹⁹⁸. Все проясняет письмо от 12 мая, еще более резко противопоставлявшее украинскую офицерскую молодежь старикам. Орел-Орленко писал, что, познакомившись ближе с генералами, он понял, что нельзя на них надеяться: «Это не военные деятели в полном понимании этого слова. Эти люди воспитаны по известным академическим трафаретам, из которых никак не могут вырваться. Когда все было гораздо налаженнее и заведено как машина, и когда сверху была хорошая палка, то они были, возможно, и хорошими машинистами, а теперь, когда машина поломана, а над ними нет никакой палки, они совсем не могут никак организовать и наладить для себя работу далее. Эти люди с психологией наемника, которого нужно нанять, заплатить, показать, что нужно делать, и тогда они начнут работать. Но даже тогда и то нужно подгонять... Единственные, к кому не относится то, что говорю, это Безручко и Сальский...»¹⁹⁹. Орел-Орленко отмечал, что генералитет занялся чистой политикой, отойдя от военного дела. «Таким образом, Сальский и Безручко еще остались два человека с чистыми руками, широким мировоззрением и чистыми намерениями», — резюмировал курсовик²⁰⁰.

Орел-Орленко отметил, что генералитет заметил активность группы молодых курсовиков во главе с ним, Шевченко и несколькими единомышленниками и стал оказывать им знаки внимания: «Что до нас, то все они видели, что мы идем вперед и что им нашего движения не остановить, а потому и начали с нами общаться и проявлять чисто внешнюю благосклонность, пытаюсь привязать к своему корыту — ввести в орбиту собственных интересов, а в действительности они не очень долюбивают нас...

¹⁹⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 83 об.

¹⁹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹⁹ Там же. Л. 99–99 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 99 об.

мы не кланяемся им, имеем смелость не разделять их взглядов, ищем и находим пути помимо их»²⁰¹. Очевидно, молодое украинское офицерство воспринимало старые кадры негативно в связи с тем, что, по их мнению, старики были слишком прочно связаны с Россией, а не с Украиной. Таким образом, уже первый выпуск далеко не полноценных по своей подготовке генштабистов привел к поколенческому и мировоззренческому расколу украинского Генштаба.

Логичным продолжением противопоставления молодых курсовиков старым генштабистам русской школы стала идея объединения выпускников курсов. Эту идею поддерживал украинский генерал А. И. Удовиченко. Отмечалось, что из 2-й очереди курсов заслуживали внимания лишь сотники П. З. Самутин и М. М. Пиккульский (в меньшей степени).

Изначальный идейный порыв слушателей и выпускников курсов был очень велик, однако со временем стало ясно, что полученные военные знания не могут найти приложения в условиях эмигрантской жизни, в связи с чем военные вопросы вскоре отошли на второй план. В дальнейшем Орел-Орленко выдвинул идею создания украинской молодежной партии²⁰².

Занятия на курсах проходили с 9 часов утра до 12.30²⁰³. За это время проводилось четыре занятия по 45 минут с тремя 10-минутными перерывами. Занятия проводились шесть дней в неделю. Обучение велось по расширенной программе по сравнению с тем, что было на курсах 1-й очереди. Так, например, курс истории военного искусства охватывал обширный период до наполеоновских войн²⁰⁴. Была проведена 31 репетиция.

По-прежнему сохранялись острые финансовые проблемы. Видимо, в этой связи сохранившиеся документы слушателей и преподавателей написаны в основном карандашом.

19 октября 1923 г. генерал Дядюша писал полковнику Сигареву: «Курсы мои (здесь и далее подчеркнуто адресатом. — А. Г.) идут еще, но явно умирают естественной смертью от худосочия из-за недостатка лекторов. Законоведа не было совсем и только на днях нанял своего прошлогоднего слушателя младшего Науменко. Критский уехал на работы, Липский тоже, Крушинский

²⁰¹ Там же. Л. 99 об. — 100.

²⁰² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 299. Л. 5.

²⁰³ ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. По другим данным, 8–8.45, 8.55–9.40, 9.50–10.35, 10.45–11.30, 11.40–12.25.

²⁰⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.

отказался, географию внятно по учебнику читает Евтимович. Безручко отказался, и его заменяю я, Ерошевич отказался читать статистику и даже завез (увез *(укр.)*). — *А. Г.*) ценную книжку том Словаря Брок[гауза] и Ефр[рона] «Россия». Удовиченко на лекции не ходит, но и не отказывается. Петров, имевший много лекций по Администрации, Военному искусству и тактике технических войск, вчера уехал с женой и сыном (два месяца тому родился у него маленький демагог) в Прагу. Искусство взял себе старший Науменко, администрацию он свой отдел (организацию) кончил, а техничные войска придется взять мне. Тоже завез (увез *(укр.)*). — *А. Г.*) с курсов две ценные книги по истории Украины. Капустянский, который читал историю Укр[аинской] вызвольной (освободительной *(укр.)*). — *А. Г.*) войны, уезжает на днях в Берлин, но говорит, что вернется.

Петров уехал демонстративно, буквально ни у кого не побывавши: ни у Удовиченко, ни у Куца, ни у меня, очевидно с [о] здешней ориентацией все рвет, тем более, что у нас ходят сплетни (здесь подчеркнуто автором. — *А. Г.*), что в Праге они (с. р.) устраивают новый центр с Шаповалами и иными, которых я не знаю... Кроме недостатка лекторов помираем и от безденежья. Курсы содержались на счет Пражск[ого] Укр[аинского] комитета. В декабре прошлого года, когда была созвана первая конференция, Шаповал при всех обещал, что Пражск[ий] комитет будет ежемесячно выплачивать 2 000 чешск. корон, причем члены конференции высказались, чтобы деньги выплачивались в коронах, на что Шаповал согласился. Фактически 1го января он выдал миллион марок (когда сам сказал, что короны по 560 м[арок]), а затем уже в мае заявил, что Прага платить отказывается и что он из средств калишского комитета будет выплачивать ежемесячно по 1 000 корон, на самом же деле в конце каждого месяца уплачивал марками по официальному курсу не более 500 корон, а если считать неофициальный, то и меньше, т[ак] ч[то] к 1 му сентября вместо 11 миллион[ов] марок он мне выдал только 5 600 000. Я, конечно, про это не распространял, но всем желающим сообщал цифровые данные. Между прочим, на Украинском съезде Капустянский, высказываясь против кандидатуры Шаповала в Комитет, упомянул и об этих деньгах. После съезда я получил от Шаповала как головы Калишск[ого] Комитета любопытную цидулу (цедулю. — *А. Г.*) сочинения Коршневского (Коршновского. — *А. Г.*), где Шаповал, оправдываясь в своих деяниях и угрожал, что, если с курсов не прекратятся обвинения его комитета, то отпуск денег будет прекращен, я дал эту

цидулу под расписку прочитать всем лекторам, а Капустянский, против которого она и была направлена, очень корректно и объективно настукал Шаповала мордой об стол, написав в комитет ответ от своего имени. Шаповал сейчас в Праге, а его заместитель Лорченко неделю тому назад заявил мне, что ни за Сентябрь, ни за октябрь, а также и на будущее время на деньги от комитета я рассчитывать не могу, потому что ни начальство, ни курсы не заступились за Шаповала, когда его поляки выгнали из Калиша. Сказал он это случайно при Куще, тот не преминул тоже стукнуть этого остолопа мордой об стол, указав ему, если он этого не понимает сам, что образование офицеров для армии не может зависеть от обиды (зачеркнуто в документе. — А. Г.) личных неприятностей с Шаповалом, вызванных им самим. Я не знаю, отпускались ли деньги из Праги на курсы или нет, но что в последнее время у здешнего комитета расходы сильно увеличились, то это верно, так как в последнее время все верно-подданные Шаповала оделись в приличные штатские костюмы и уезжают в Прагу... естественно на курсы денег не хватило, а если бы дело шло по-честному, то я за Сентябрь бы получил 17 мил., а за Октябрь — 28 мил. марок, а вместо этого весь мой бюджет до января — оставшиеся у меня, благодаря бережливости, 2 мил. марок, т. е. 400 листов бумаги. Придется выкинуть все практические занятия и ограничиться одной теорией.

К великому сожалению, подбор слушателей в этом году очень недурной, и все очень увлекаются учением и работают добросовестно, замечается только сильно отсутствие Рыбицкого для ихнего военного воспитания...»²⁰⁵. Таким образом, положение с курсами было плачевным. Тем не менее на 20 ноября 1923 г. Петлюра считал возможным выдать курсам миллион польских марок.

Интересно, что у слушателей второй очереди создавались собственные традиции. Так, по распоряжению начальника курсов слушатели организовали суд чести из 7 человек под председательством подполковника К. К. Бахусева, успевшего проучиться как на курсах 1-й, так и на курсах 2-й очереди, но ни одни так и не окончившего²⁰⁶.

Учебный курс был завершён в апреле 1924 г., и с 8 апреля начались выпускные экзамены по девяти предметам, длившиеся целый месяц.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 47–48.

²⁰⁶ САУ. I. 380.7.14.

Табл. 9. Сведения об экзаменах на 2-й очереди курсов²⁰⁷

Предмет	Дата	Экзаменаторы
Стратегия	08.04	Генерал-хорунжий Куц, генерал-поручик Дядюша, полковник Науменко
Техника штабной службы	12.04	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Змиенко, полковник Науменко
Тактика конницы и тактика артиллерии	15.04	Генерал-хорунжий Куц, генерал-поручик Дядюша, полковники Васильченко и А. Ю. Силин
История военного искусства	19.04	Генерал-хорунжие Куц, Безручко, полковник Науменко
Военная история	24.04	Генерал-хорунжие Куц, Змиенко, полковник Науменко
Администрация Статистика	30.04	Генерал-хорунжий Пороховщиков, полковник Науменко, подполковник Евтимович
Инженерное дело	03.05	Генерал-поручик Дядюша, генерал-хорунжий Козьма, сотник Науменко
Законоведение	06.05	Генерал-поручик Дядюша, полковник Науменко, сотник Науменко
География Украины	08.05	Полковник Науменко, подполковник Евтимович, сотник Науменко

При том, что учебный курс был достаточно длительным, на курсах обучалось незначительное число слушателей. В мае 1924 г. 12 выпускникам были выданы свидетельства об окончании курсов и предписания прибыть в распоряжение начальника Генштаба для распределения по частям. Согласно статье 37 Положения о курсах, все выпускники, успешно окончившие курсы, имели право по согласованию с начальником Генштаба быть назначенными на должности Генштаба в армии УНР²⁰⁸. К концу лета 1924 г. лагеря интернированных в Польше были ликвидированы²⁰⁹, в результате второй выпуск курсов стал последним. Армия УНР к этому времени также уже стала достоянием истории, поэтому в дальнейшем выпускники курсов, разумеется, не несли службу Генерального штаба, а работали

²⁰⁷ ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁰⁸ САУ. I.380.2.230. Л. 144.

²⁰⁹ Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees. P. 160.

в различных организациях украинского центрального комитета в Польше.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, самым первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом—осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский — выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, представителя союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии²¹⁰. Своему украинскому начальству Чайковский докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось четыре часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самолетом, «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»²¹¹. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии. По состоянию на ноябрь 1920 г. румыны ждали прибытия второго украинского слушателя.

При этом, по мнению Чайковского, румыны копировали систему подготовки французской высшей военной школы, «двери которой для нас вряд ли скоро откроются»²¹². Учебный процесс в школе см. в табл. 10.

Последние два предмета в академии появились только в 1920 г. Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С. Н. Дельвиг, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о чрезвычайной важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

²¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. Л. 26 об.

Табл. 10. Учебный план румынской Высшей военной школы

Предмет	Лекций
Служба Генерального штаба	35
Тактика пехоты	65
Тактика конницы	15
Тактика артиллерии	30
Военная история	95
Фортификация	30
Оружие	30
Военная администрация	15
Санитарная служба	15
Организация	20
Мобилизация	20
Топография	20
Прикладные знания	20
Всеобщая история	20
Всеобщая география	20
Политэкономия	10
Науки политические и социальные	10
Аэронавтика	20
Стенография	20
Болгарский язык	65

11 июля 1922 г. Чайковский писал Дельвигу о финансовых трудностях, просил решить вопрос с дальнейшим финансированием его обучения, так как миссия ликвидировала свои финансовые дела и сама находилась в тяжелом материальном положении²¹³. На сентябрь 1922 г. Чайковский обучался на третьем курсе академии, получал стипендию от посольства УНР, а когда денег не стало, начал выходить из положения самостоятельно²¹⁴. Материальные условия Чайковского с пре-

²¹³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 103. Л. 2; Д. 298а. Л. 27.

²¹⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 3 об.

крашением украинского финансирования в 1922 г. резко ухудшились, не спасало даже наличие родственников в Бессарабии, к которым Чайковский приезжал в период обучения²¹⁵. Приходилось подрабатывать переводами, работать в бессарабском кооперативе²¹⁶. Совмещать учебу с работой было практически невозможно. Несмотря на материальные и моральные трудности, Чайковский окончил академию по первому разряду. По мнению генерала Янушевского, украинские власти просто бросили Чайковского, хорошо учившегося в академии, на произвол судьбы²¹⁷.

Затем Чайковский отбывал годичный стаж при 1-м тяжелом артиллерийском полку, в котором командовал дивизионом. Как отмечал он сам, денег не хватало катастрофически, но офицер держался, как мог²¹⁸. Перспективным для молодого офицера было получение румынского гражданства.

На параде 17 мая 1923 г. начальник румынской академии будто бы заявил Чайковскому: «Давайте, давайте своих офицеров», имея в виду украинцев²¹⁹. К тому же иностранцев в академию принимали без экзаменов в расчете на их подготовленность. Впрочем, уже 16 октября 1923 г. Чайковский был арестован²²⁰.

Много лет спустя, в мае 1940 г., генерал Дельвиг сообщил в письме генералу В. Н. Петрову подробности румынской одиссеи Чайковского. Украинская миссия в Бухаресте потратила на его обучение последние имевшиеся средства. Хорошим было отношение и со стороны румынских властей. Однако академик не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд.

После окончания академии Чайковский получил право отбыть ценз командования артиллерийским дивизионом в Бухаресте. К этому времени Чайковский стал большевистским информатором и осведомлял советских представителей как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри (также его обвиняли в работе на Болгарию). Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом, народница и сестра милосердия в России) вы-

²¹⁵ Там же. Л. 25 об.

²¹⁶ Там же. Л. 32 об.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Ч. 2. Л. 85.

²¹⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 27 об.

²¹⁹ Там же. Л. 31.

²²⁰ Там же. Л. 61 об.

бросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что на месте румынских властей Чайковского следовало казнить²²¹.

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам одну вакансию в Высшей военной школе²²². Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры.

В 1923 г. Высшая военная школа Румынии предоставила для украинских офицеров уже четыре учебных вакансии, за которые среди ветеранов украинской армии развернулась борьба²²³. Румынские власти даже разрешали слушателям прослужить один год в румынской армии, в одном из лучших гарнизонов города Питемри, для знакомства с румынскими Вооруженными Силами²²⁴. На учебу хотели отправиться полковник А. И. Кмета, сотники И. Якимчук и И. Яворский. Однако румыны были готовы обучать украинских офицеров за их же счет²²⁵. Таких возможностей ни у самих претендентов, ни у украинского эмигрантского руководства не было, поэтому кандидатам пришлось ограничиться обучением на украинских курсах.

Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К. А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий²²⁶. Безусловно, свою роль в отказе украинцам сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду. Сохранились свидетельства о том, что в румынскую академию в 1929 г. пытались попасть сотники Шевченко, Орел-Орленко, Иванов, подполковник Кмета²²⁷. Вопрос курировал генерал Юнаков, но, похоже, офицеры

²²¹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44–44 об.

²²² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.

²²³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 123.

²²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 26 об.

²²⁵ Там же. Л. 15.

²²⁶ Там же. Л. 51.

²²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 355. Л. 101.

вновь не добились своего, в том числе из-за дороговизны виз. На этом эпопея с украинцами в румынской академии, судя по известным мне документальным материалам, завершилась.

В октябре 1922 г. чехословацкое правительство собиралось принять в свою академию десять украинских офицеров²²⁸. Содействие украинцам в этом вопросе был готов оказать бывший русский генерал В. Н. Шокоров, поступивший на военную службу в Чехословакии²²⁹. Также для украинских офицеров существовала возможность учиться в итальянской и французской военных академиях.

Подготовка украинских офицеров в польской военной академии была сопряжена со своими трудностями. Вопрос был инициирован в 1926 г. военным министром УНР генералом В. П. Сальским. В среде украинской военной эмиграции из числа членов товарищества бывших воинов армии УНР нашлось десять кандидатов на обучение (поручик Абрамович, генерал-хорунжий А. Д. Алмазов, сотник И. Зварийчук, сотник А. Н. Иванов, полковник А. И. Кмета, сотник А. П. Костюченко, сотник К. В. Реутов, поручик Скубий, полковник В. З. Филонович, сотник В. Я. Шевченко, подполковник В. Ф. Прохода первоначально согласился, но впоследствии отказался)²³⁰. Как видим, имена некоторых претендентов с годами не менялись (к тому же Иванов, Кмета, Костюченко, Реутов и Шевченко были слушателями и выпускниками калишских курсов), что свидетельствует как о небольшом количестве украинских офицеров-эмигрантов, стремившихся к получению высшего военного образования, так и о том, что ранее этот вопрос в отношении этих лиц решен не был.

После того, как в мае 1926 г. был убит С. В. Петлора, генерал Сальский занялся проверкой кандидатов с точки зрения лояльности идеалам украинского национализма²³¹. Дело в том, что именно кандидаты покойного головного атамана нередко оказывались выбранны с этих позиций крайне неудачно. Так, обучавшийся в Румынии сотник Чайковский оказался советским агентом, а выпускник калишских курсов И. М. Орел-Орленко стал сменовеховцем.

В 1927 г. Сальский добился разрешения украинским офицерам обучаться в Высшей военной школе в Варшаве. Предполагалось отправлять на учебу младших офицеров в чине до сотника вклю-

²²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 9 об.

²²⁹ Там же. Л. 51.

²³⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 267. Л. 228, 229 об.

²³¹ Там же. Л. 239.

чительно. В дальнейшем они должны были служить в польской армии по контракту²³². Наиболее активно подготовка поляками бывших украинских офицеров велась в начале 1930-х гг. Осенью 1931 г. в академию поступили сотники армии УНР (майоры польской армии) А. Валийский и П. Самутин²³³. Формально эти офицеры (окончили академию в 1933 г.) уже находились на польской военной службе, хотя и должны были регулярно отчитываться перед генералом Сальским. Также в Высшей военной школе обучались и другие украинские офицеры: генерал-хорунжий (подполковник польской армии) П. Ф. Шандрук (1936–1938), полковники (майоры) П. Г. Дьяченко (1932–1934) и В. Малец (Мальцов) (1934–1936), сотник (майор) Н. Палиенко (1932–1934), сотник (ротмистр) И. Зварийчук (обучался в 1938), поручик В. Татарский (1937–1939)²³⁴. Всего через обучение в Высшей военной школе к 1939 г. прошли восемь украинских офицеров. Практически все они (о Зварийчуке данных обнаружить не удалось) в годы Второй мировой войны служили в дивизии СС «Галичина» или в других нацистских формированиях. Готовившие их поляки явно не преследовали цели поставлять Гитлеру квалифицированных командиров. Кроме украинцев в межвоенный период обучение в академии проходила целая группа грузинских офицеров. Переподготовка поляками украинских и грузинских офицерских кадров логично встраивалась в антироссийскую идеологию прометеизма Ю. Пилсудского, направленную на расчленение СССР путем поддержки националистических движений нерусских народов СССР²³⁵.

* * *

История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и в эмиграции чрезвычайно интересна. В са-

²³² ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 352. Л. 26.

²³³ Подробнее см.: Самутин П. Польська Вища Військова Школа // Вісті комбатанта (Нью-Йорк). 1964. № 4. С. 15–21; 1965. № 1. С. 24–31.

²³⁴ В работе А. Колянчука (Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 173–175) приведены неточные данные по этому вопросу, более достоверные сведения (в т. ч. списки всех выпускников) содержатся в специализированном справочнике о выпускниках польской Высшей военной школы (Stawewski P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1997. S. 117).

²³⁵ Подробнее см.: Симонова Т. М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–64.

мый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд достаточно серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен. Были разработаны различные варианты подготовки кадров Генштаба.

Однако головной атаман С. В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще хуже — в специальных военных вопросах. Украинские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым атрибутом полноценного национального государства и полноценной армии, а уже во вторую очередь имело значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявшей собой большой силы украинской армии. На всем протяжении 1919–1921 гг., когда вопрос открытия украинского высшего военно-учебного заведения активно обсуждался с участием самого Петлюры, головной атаман мечтал о скорейшем начале подготовки национальных военных кадров Генштаба. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров была начата тогда, когда острой потребности в них украинская армия уже не испытывала, поскольку не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных на территории Польши.

Опыт работы курсов в Калише достаточно показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить специалистов Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов Генерального штаба для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем всего украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии (т. н. «фахівців», или специалистов), которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладывать свой отпечаток и на взгляды слушателей.

Работа курсов показала, что в среде украинского офицерства нет должного единства. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего, по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным. Положение офицеров старшего поколения было незавидным. Многие представители этой категории несли украинскую военную службу вполне добросовестно, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит об их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны. Подобные противоречия отражали слабые стороны украинского военного строительства.

Опыт подготовки кадров Генштаба на польской территории наглядно продемонстрировал и то, что украинская политическая элита слабо разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры Генштаба оказались невостребованными, поскольку украинцы просто не имели достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Действительно стремившихся к военным знаниям украинских офицеров было крайне мало. Анализ попыток подготовки украинских кадров Генштаба в зарубежных военных академиях свидетельствует о том, что на протяжении 1920-х — 1930-х гг. получить высшее военное образование пытались буквально одни и те же люди. Фактически речь идет лишь о нескольких десятках наиболее активных украинских офицеров из всей украинской эмиграции. Нельзя не отметить, что те из них, кто сумел добиться желаемого, не нашли в дальнейшем применения своим знаниям на украинской почве, а оказались вовлечены в события Второй мировой войны на стороне и в интересах нацистской Германии.